

48-28

РОВЕСНИК

10
1982

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Октябрь, 1982 год, № 10

В НОМЕРЕ:

**НАВСТРЕЧУ ДНЮ КОНСТИТУЦИИ:
АМЕРИКАНСКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ О
ДЕМОКРАТИИ В СССР И США.
ДВА ВЗГЛЯДА НА ИЗРАИЛЬСКУЮ
АГРЕССИЮ В ЛИВАНЕ.
ОЧЕРК О РАБОТЕ СОВЕТСКОГО РЕЖИССЕРА
С ТЕАТРАЛЬНЫМИ КОЛЛЕКТИВАМИ
АМЕРИКИ И ЯПОНИИ**

На первой странице обложки: июль 1982 года, Западный Бейрут. Нужен ли пояснительный текст к этой дате, адресу и снимку, запечатлевшему один из эпизодов трагедии, вызвавшей гнев и возмущение всех честных людей? Народы мира не забудут этой трагедии, не забудут и не простят чудовищного преступления тех, кто ее развязал, — израильских фашистов и их американских пособников.

4. **СМОТРИТЕ:** КамАЗ
6. Майк Давидоу. СВОЕ МЕСТО В ЖИЗНИ
8. Гор Видал. КТО ПРАВИТ В АМЕРИКЕ?
10. Нина Чугунова. ЧЕЛОВЕК ИЗ ВТОРОГО БАТАЛЬОНА
12. Алеш Бенда, Роджер Розенблатт. ЛИВАН: ДВА ВЗГЛЯДА НА ТРАГЕДИЮ
16. Роджер Уилкинс. ИСПОВЕДЬ РЕКЛАМНОГО НЕГРА
19. Бланш Маккрэри Бойд. НЕ БЕСПОКОЙСЯ, БЕЛАЯ ДЕВОЧКА
21. Джонас Гвангва. Я ЗНАЮ
23. Паула Алмквист. ИСКУССТВО ВЫЖИВАНИЯ
26. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
28. А. Поликовский. РИСК

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ (ответственный секретарь)

Художественный редактор Е. А. Гричук

Оформление И. М. Неждановой

Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.

Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 11.08.82. Подп. к печ. 28.09.82. А03386. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 1 000 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1461.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ

ПАРИЖ. Здесь состоялась массовая демонстрация сторонников мира, в которой приняло участие около 200 тысяч человек, представители почти ста политических партий, организаций и союзов. Для участия в марше во Францию прибыли 15 делегаций борцов за мир из разных стран. Колонна демонстрантов с голубыми флагами Организации Объединенных Наций, с красными знаменами растянулась более чем на четыре километра. Марш завершился митингом на площади Бастилии. Участники митинга обратились к народам мира с призывом бороться за прекращение гонки вооружений, за переговоры о ядерном разоружении.

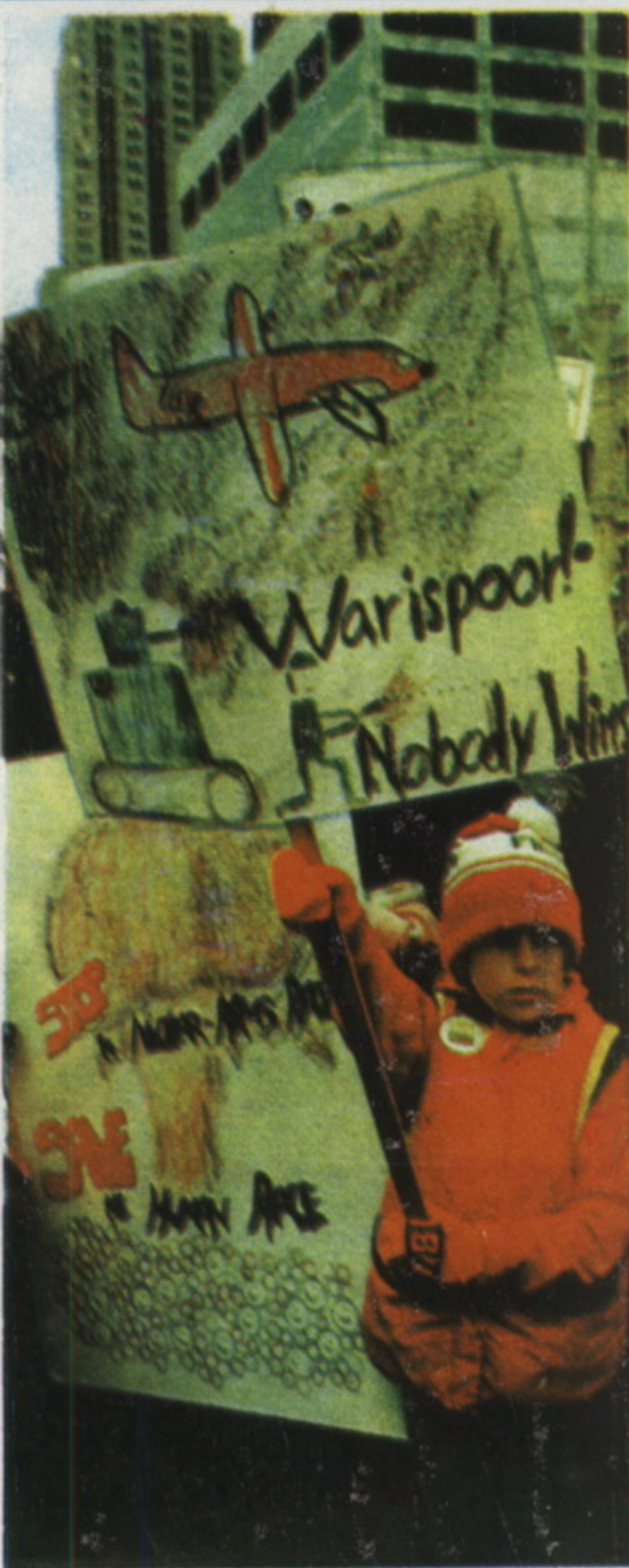
НАЙРОБИ. На нужды просвещения в Кении ассигнуется треть государственного бюджета, но, несмотря на это, не хватает школьных помещений, преподавателей, учебных пособий. Недавно выяснилось, что огромные средства из казны потрачены на оплату «мертвых душ» — школьных преподавателей, которые существуют только в платежных ведомостях. По этой статье в 1981 году израсходовано 70 миллионов кенийских шиллингов. По данным обследования, только в областных центрах насчитывалось 4500 фиктивных учителей.

ВАШИНГТОН. Уже более года действует в США детская организация, выступающая за прекращение гонки ядерных вооружений. Недавно группа ребят-активистов на площади перед Белым домом организовала чтение писем американских детей президенту Рейгану. В пяти тысячах писем из разных штатов маленькие граждане просят президента остановить гонку ядерных вооружений.

На снимке: участники одной из детских демонстраций. На самодельных плакатах написано: «Война — это плохо! Никто не победит!», «Остановите гонку вооружений! Спасите мир людей!»

ТОКИО. 24 тысячи «стальных воротничков» (так в Японии называют промышленных роботов) были установлены в прошлом, 1981 году на предприятиях Японии. Первое время «стальные воротнички» заменяли человека на трудоемких и опасных операциях, но теперь их применение значительно расширилось, и они стали вытеснять с заводов и фабрик рабочих. В первую очередь наступление роботов обернулось против выпускников школ: им с каждым годом все труднее найти работу. На сегодняшний день армия безработных в Японии насчитывает 1,26 миллиона человек.

БОНН. Комиссия по исследованию положения молодежи в ФРГ опубликовала сведения об участвовавших случаях жестокого обращения с детьми. Так, согласно официальным данным за прошедший год в ФРГ в результате родительских побоев погибло 800 детей, а 90 тысяч детей получили увечья и ранения. Жестокость родителей специалисты объясняют, в частности, тем, что в стране существуют постоянная угроза безработицы, неуверенность в завтрашнем дне, суровая конкуренция на рынке труда. Представители молодежных организаций ФРГ требуют от правительства правовой защиты несовершеннолетних от жестокости взрослых.

САН-САЛЬВАДОР. Огромным влиянием пользуется у патриотов Сальвадора радиостанция Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти «Венсеремос». Сообщения этой радиостанции являются основным источником информации для повстанцев, а также для международной прессы. Местоположение радиостанции «Венсеремос» строго засекречено.

На снимках: часовой, охраняющий радиостанцию; идет передача последних известий.

БРНО. Здесь в 25-й раз состоялся смотр самодеятельных театров ЧССР, в котором приняли участие коллективы из десятков городов и сел республики. Как отмечает журнал «Младист», участники смотра помолодели (большинство режиссеров и артистов не перешагнули еще за двадцатилетний рубеж) и значительно расширили жанровый спектр: здесь и камерные спектакли с двумя-тремя действующими лицами, и массовые представления, мюзиклы и пантомимы, современные комедии и классическая драма. Знакомство с творчеством коллег, обмен опытом послужит дальнейшему развитию самодеятельного театра в республике.

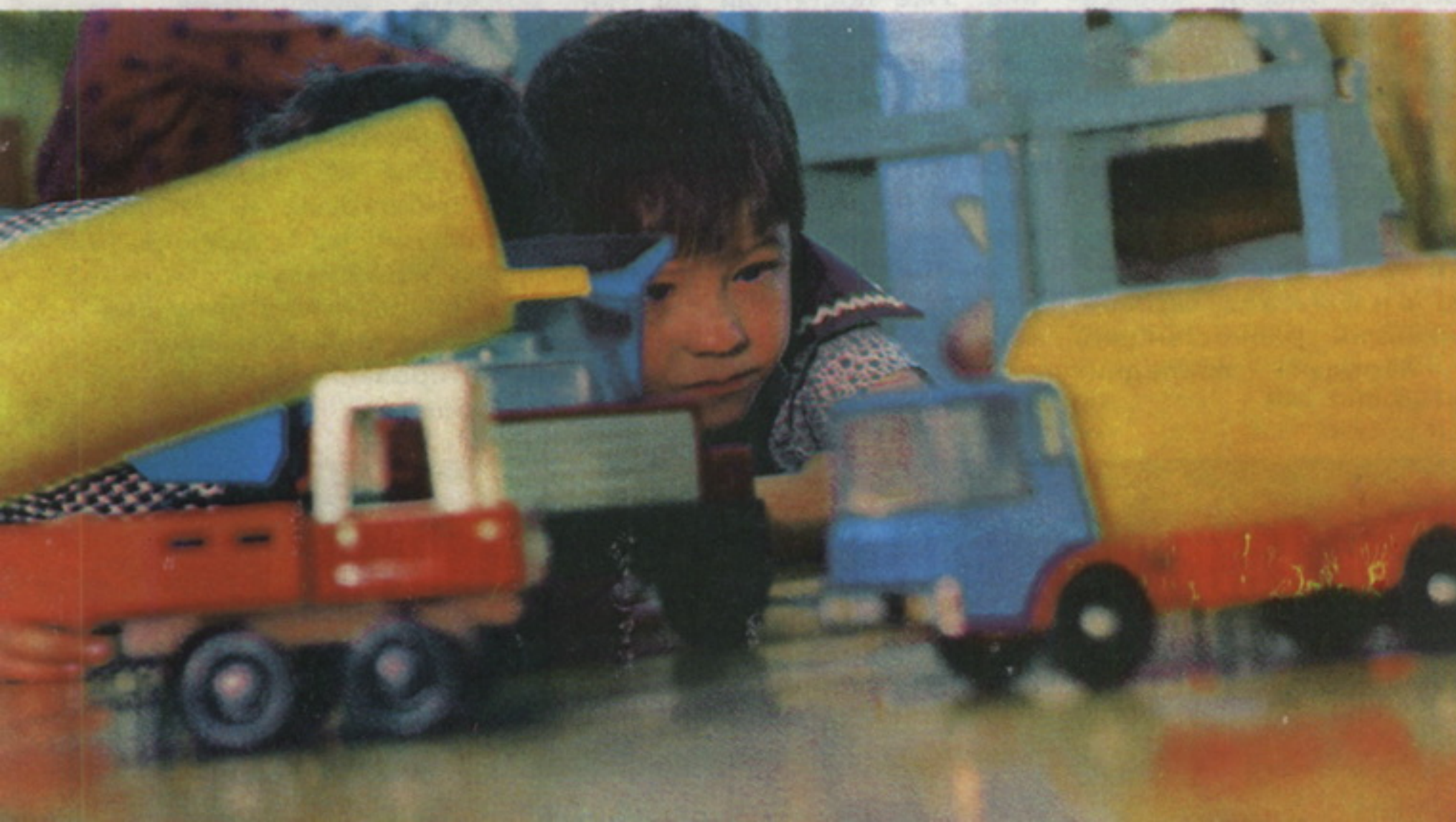
ХАРАРЕ. Издательство «Зимбабве паблшинг хауз» объявило общенациональный конкурс на лучшее драматургическое произведение. Уже поступили десятки рукописей на языках почти всех народностей республики, а также английском. Авторы — учащаяся молодежь, рабочие, представители интеллигенции. Темы произведений — борьба народа Зимбабве против колониального и расистского гнета, строительство нового общества, свободного от эксплуатации и расовой дискриминации.

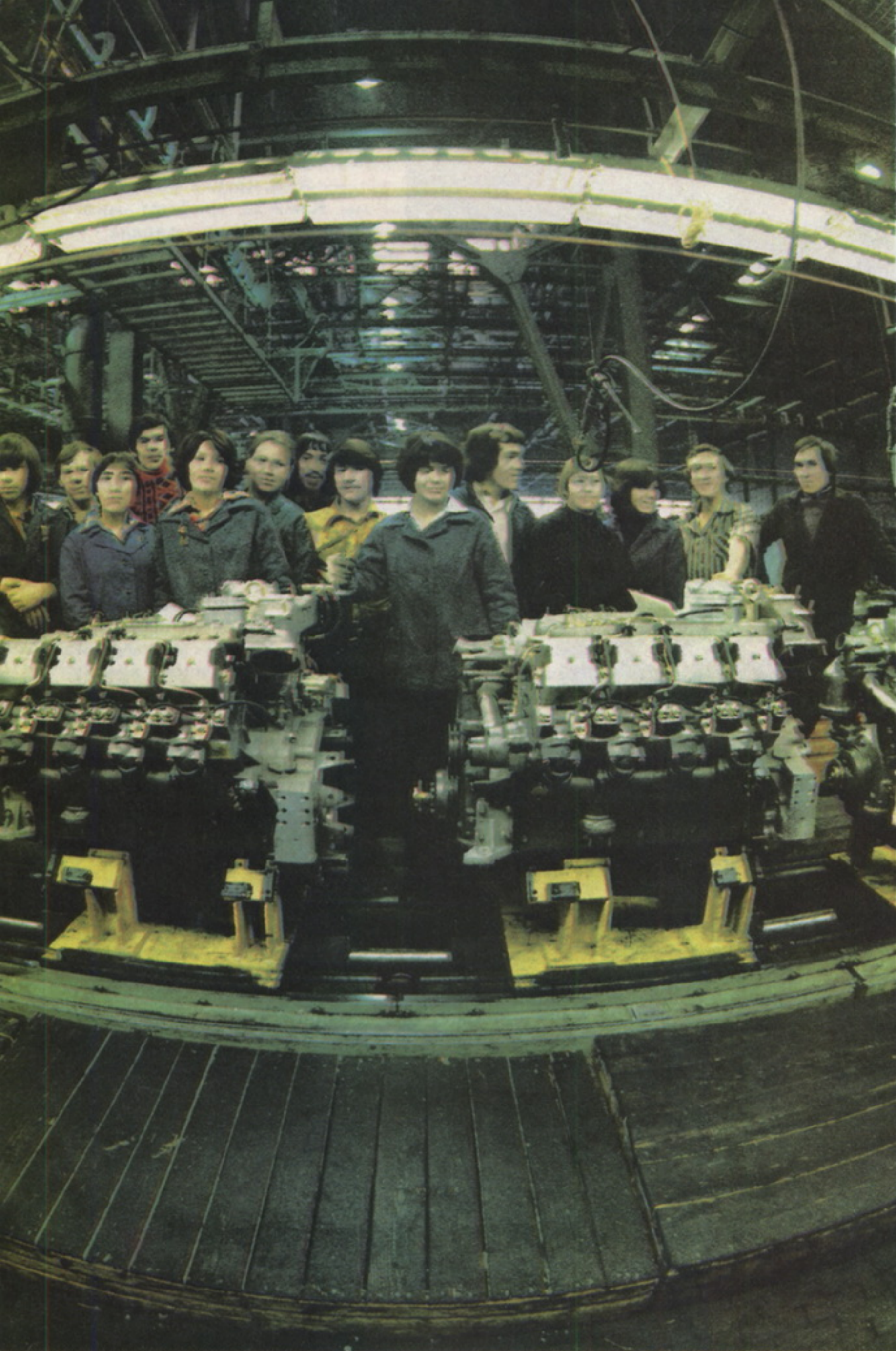
БЕРЛИН. Школьники ГДР растут настоящими хозяевами своей страны. Между школами и предприятиями республики существуют давние и тесные контакты, старшеклассники работают на заводах и фабриках во время каникул, овладевают производственными профессиями.

На снимке: ученики одной из школ Берлина в гостях у шахтеров горно-разрабатывающего предприятия «Тифер Мольхнер Штольн».

ЛОНДОН. Армия безработных в Великобритании согласно официальным данным достигла рекордной цифры 3,19 миллиона человек. За всю историю страны безработица еще не принимала столь катастрофических размеров. В начале лета в число безработных влились выпускники школ. 76 тысяч юношей и девушек, закончивших школу в 1982 году, не смогли ни продолжить образование, ни найти рабочее место.

КАРАКАС. Группа студентов университета столицы Венесуэлы объявила голодную забастовку, к которой примкнули их родители и члены национального комитета безработных выпускников школ. Молодежь требует гарантированного права на образование.

смотрите:

КамАЗ

Однажды появился на Каме населенный пункт — как и водится, на перекрестке дорог, у воды; сначала поселение, потом ничем не примечательный городок Набережные Челны. А потом вырос ГОРОД, а в городе огромный завод, известный на весь мир КамАЗ — чудо молодых рабочих рук. Растет завод, растет город, подрастает первое поколение коренных камазовцев. Ему творить город-завод дальше. А городу-заводу и дальше «расти без старости».

Фото А. ХРУПОВА

Я сидел за длинным прямоугольным столом в гостях у инженеров КамАЗа — представителей третьего поколения советской технической интеллигенции. 25 мужчин и женщин в возрасте до 30 лет. За шесть лет пребывания в СССР я встречался и беседовал со многими советскими инженерами и учеными. КамАЗ уникален не только высокой квалификацией работающих на нем специалистов, но и молодостью своих кадров. Я приехал на КамАЗ для того, чтобы понять, что представляют собой молодые советские инженеры. Ведь заставило же что-то их, окончивших известные на всю страну технические вузы в Москве, Ленинграде, Киеве и других больших городах, бросить обжитые дома, устроенный быт и перспективу работы по усовершенствованию своих же родных городов и приехать сюда, на пронзительные ветра татарских степей.

— Почему? (до чего же русские любят задавать себе вопрос и сразу же отвечать на него!) — Михаил Малинин, бородатый коренастый парень лет двадцати пяти, говорит громким, почти оглушающим голосом, казалось, голосу тесно в этом крепком теле. — Потому что мы молоды! Мне 25, ему 25, ей... хотя пусть она сама скажет о своем возрасте.

Все захохотали над таким проявлением галантности. Когда смех утих, он продолжал:

— Я, например, окончил Брянский политехнический институт и работал в нескольких городах. Но нигде не требовалось от меня столько инициативы, столько творчества. Каждый день ставит свои задачи. Ученые нашей страны делают открытия, создают новую технологию, мы, практики, осуществляем связь науки с производством. Этот гигантский новейший комплекс первый в своем роде. Отсюда и сложнейшие проблемы. Например, снабжение. На КамАЗ доставляются стройматериалы и детали со всей страны и из-за рубежа: как добиться бесперебойного снабжения на

Из книги «Третье поколение», написанной в 1981 году для зарубежных читателей. Готовится к печати в издательстве «Прогресс».

таким гиганте? Ведь производственное задание комплекса — 150 тысяч грузовиков и 250 тысяч дизельных моторов ежегодно, и это задание необходимо выполнять. На решение этой сложнейшей задачи брошено много сил.

Здесь совсем непросто, — признался Малинин. — Устаешь, сильно устаешь. Но зато Кама, озера. Когда я чувствую, что устал, закидываю за плечи рюкзак — и айда на озеро. Признаться, я страстный рыболов! Возвращаюсь другим человеком. Приятная боль в мускулах, зато в голове ясность. Чувствую себя отлично и на все готов! — Он громко и заразительно смеется. — Комплекс у нас молодой, но и производительность труда, и качество на уровне лучших заводов, у которых за плечами многолетний опыт работы. Когда я приехал сюда, я увидел своих сверстников, энтузиастов, которые смело берутся за решение сложнейших проблем. Я сказал себе:

«Вот это по мне». И ни разу не пожалел!

Мира Нинашина, 21 год, тоже приехала сюда из Брянского политехнического института.

— Я еще учусь, — сказала она, — сюда приехала, чтобы поднабраться опыта. Работа, которую я выполняю, очень помогает учебе. Работать мне нравится. Я здесь уже целую неделю!

Кто-то воскликнул: «Целую неделю!», и опять все сидевшие за столом дружно рассмеялись.

Маргарита Клыгина, 25 лет, старший оператор вычислительного центра.

— Я сибирячка, — сказала она не без гордости. Говорила она довольно сдержанно. — Сначала хотела стать биологом, потом передумала. Сейчас работаю на ЭВМ. В мои обязанности входит проследить, чтобы грузы были доставлены в место назначения точно по графику. Ведь на таком гигантском объединении, как КамАЗ, это играет первостепенную роль.

Галине Петрунниковой 25 лет, она инженер-энергетик (кстати, в СССР 40 процентов инженеров — женщины).

— Автоматические системы КамАЗа требуют много энергии. Наша задача — использовать источники энергии как можно экономичней, ведь и в нашей стране ее запасы не безграничны, особенно если принять во внимание лихорадящий мир энергетический кризис. Наш КамАЗ — уникальное промышленное предприятие и должен служить примером экономии энергии, и он им служит!

Я здесь уже три года, здесь и останусь. Я нашла свое место в жизни!

— Насколько я знаю, одной из исторических задач, стоящих перед молодежью общества, строящего коммунизм, является стирание граней между умственным и физическим трудом, — сказал я. — А как эта задача решается на КамАЗе?

СВОЕ МЕСТО В ЖИЗНИ

Майк ДАВИДОУ,
корреспондент газеты

«Дейли уорлд» (США) в Москве

И снова первым ответил Михаил Малинин:

— Все мои теоретические задумки могут быть проверены мною же на практике, — начал он. — Даже от хорошего теоретика, но ничего не умеющего делать своими руками, мало будет толку. Хорошей теории нужна проверка на практике! Если мне, предположим, приходит какая-то идея, я первым делом подсчитываю все на компьютере, но и это не дает полного представления. И лишь когда рабочий обрабатывает деталь на станке, и я, стоя рядом, вижу это собственными глазами, вот только тогда я успокаиваюсь. Для того чтобы воплотить в жизнь чистую идею, надо сбросить пиджак, закатать рукава и хорошенько поработать. Каждый день КамАЗа — это наглядный пример совмещения науки с производством. Теперь я отвечаю на ваш вопрос о стирании различий между физическим и умственным трудом. Дело в том, что на КамАЗе мы учим рабочих

и учимся у них. К тому же сильно возрос уровень технических знаний наших рабочих, и их опыт помогает искать наиболее эффективные приемы в производственном процессе.

Мы вместе приходим на завод, вместе работаем, зависим друг от друга и час за часом становимся ближе. Хотя и не хочется употреблять такое высокопарное слово, но все же скажу: сближаемся духовно!

Михаил продолжал:

— Начинаешь лучше понимать своего коллегу-работного, становятся ближе проблемы, волнующие его, видишь, как близки они твоим собственным. И разрыв между нами становится все меньше. — Он на секунду замолк и потом вновь продолжил: — Необходимо принять во внимание и еще один фактор жизни советского человека. Многие, если не большинство наших рабочих, — студенты-вечерники. И учу их я, что еще больше нас сближает. Мы полезны друг другу, я учу их — они меня. Наш рабочий класс очень способный и знающий. Процесс сближения между инженерами, техниками и квалифицированными рабочими активизируется.

Сердце КамАЗа, город Набережные Челны, стоит на берегу реки Камы, протекающей по территории Татарской Автономной Республики. С приездом молодежи помолодел и сам город. Десять лет назад население города насчитывало 30 тысяч, а сегодня увеличилось более чем в 10 раз и составляет 370 тысяч человек.

Путешественник, проведя в этой великой стране некоторое время, в конце концов привыкает к ее просторам, раскинувшимся на двух континентах и занимающим одну шестую суши земного шара. Но масштабы КамАЗа все равно потрясают. Весь город и промышленный комплекс расположены на площади, превышающей 100 квадратных километров, то есть равной Сан-Франциско. А теперь попробуйте представить себе, что Сан-Франциско или завод «Дженерал моторс» в Детройте построены за одно десятилетие и что управляют как городом, так и автозаводом люди, чей средний возраст не превышает 27 лет. Представьте

себе сенатора или конгрессмена, работающего с вами в одном цехе и получающего ту же зарплату. Представьте, что вы можете обратиться к нему по волнующим вас вопросам не только в положенный день недели, но и во время обеденного перерыва. Представьте, что ваш наказ и наказания других избирателей имеют статус МАНДАТА, который ваш депутат обязан выполнить. Представьте, что ваш депутат по закону обязан регулярно встречаться со своими избирателями и отчитываться о проделанной работе. Представьте, что, если он не справляется с возложенными на него обязанностями, избиратели путем голосования имеют право на отзыв депутата.

Что же за люди эти «политики»? Я встретился с группой молодых депутатов и, к своему удивлению, увидел, что женщин-депутатов больше, чем мужчин. Некоторых я встречал и раньше в цехах КамАЗа. Об их депутатском статусе говорили значки на рабочих комбинезонах, и это было их единственным знаком отличия. Там, в цехах, они были просто членами рабочего коллектива КамАЗа. Теперь же, в этой комнате, мне было трудно относиться к ним как к политикам, настолько не соответствовали они американским понятиям о политических боссах.

Среди них был Раис Ганеев, красивый, энергичный мужчина лет тридцати. Ганеев, татарин по национальности, чуть ниже среднего роста, с черными как смоль волосами и черными усиками. С 29 лет он депутат Верховного Совета СССР.

Раис приехал работать на КамАЗ в 1970 году, тогда ему было только 20. И с тех пор КамАЗ прочно вошел в его жизнь. Начиная он работать простым строителем, а сейчас возглавляет одну из лучших бригад. Уже вернувшись с КамАЗа, в Москве я увидел его фото в «Комсомольской правде». Раис был удостоен большой чести — о нем написал центральный комсомольский орган, но вряд ли его заслуги (его бригада регулярно перевыполняет план) привлекли бы внимание, скажем, газеты «Нью-Йорк таймс». Мне представилась первая страница газеты «Детройт фри пресс» с фотографией сена-

тора из Мичигана и подпись под ней: «Наш сенатор — лучший рабочий на конвейере «Дженерал моторс». Это совершенно немыслимо. Но Раису было бы непонятно недоумение американцев. Самоотверженная работа, преданность делу — вот почему Раис избран в высший орган власти СССР. На КамАЗ ему не пришлось ехать издалека, родился и вырос он в 100 километрах от Набережных Челнов.

— Отслужив в армии, — говорит Раис, — я стал думать, чем бы заняться. Вы знаете, молодые всегда ищут что-то особенное. — Он улыбнулся, вспоминая. — Но мне не надо было искать такое дело где-то далеко. Оно было здесь, у меня дома. Строился новый город и гигантский индустриальный комплекс. Чего же еще мне было надо? Мой отец говорил мне: «Раис, помни, нет ничего лучше, чем работа с техникой». И вы знаете, он был прав. Но я был молод. Я даже не имел представления о том, что такое цемент. Зато уж теперь-то я знаю! — сказал он и рассмеялся.

Раис был толковым учеником. В 1971 году он стал бригадиром. В бригаде люди учатся и в ней проверяются на прочность. Бригада дает понять, что ЛИДЕРСТВО ОБЯЗЫВАЕТ К ОЧЕНЬ МНОГОМУ. Основная работа Раиса и сейчас связана с бригадой, оттого-то он и хороший депутат.

Его школой стала производственная и комсомольская работа. А в 1973 году он получил одну из высших наград ВЛКСМ — звание лауреата премии Ленинского комсомола. В 1974-м был избран делегатом XVII съезда ВЛКСМ, а там избран в Центральный Комитет, в 1978 году он стал делегатом XVIII съезда ВЛКСМ. Депутатом городского Совета Раис стал еще в 1972 году.

— В чем специфические проблемы города и индустриального комплекса, где живут и работают главным образом молодые люди? — спросил я.

Раис ответил без колебаний:

— Наша главная проблема — это досуг молодежи! Решить производственные вопросы куда проще. Ведь мы заботимся не только о том, как молодежь работает, но и о том, как отдыхает.

Такие же слова слышал я и от молодых депутатов БАМа. Все больше и больше уделяет государство средств и внимания духовной жизни своих граждан, особенно молодых. Как, однако, беспочвенны злопыхательства тех, кто обвиняет советское общество в бездуховности!

— Раньше в городе был только один кинотеатр, за эти годы мы построили еще восемь. Для того чтобы сделать жизнь наших трудящихся духовно богаче, нам надо еще работать и работать!

Светлана Давлетшина, красивая черноволосая девушка лет 24, работает на конвейере КамАЗа и выполняет обязанности депутата городского Совета. В 1975 году восемнадцатилетней девушкой она приехала сюда из соседней Башкирии.

— Сколько себя помню, — сказала она, — всегда любила собирать что-нибудь своими руками. Я начала с того, что выучилась водить машину. Потом работала на Горьковском автозаводе. Потом вместе с подругами приехала в Набережные Челны. В 1978 году я стала работать сборщицей на конвейере КамАЗа.

Как и Раис, Светлана больше говорила о своей работе в цехе, чем о депутатской деятельности. И тому была причина — БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ДЕПУТАТ ВЫПОЛНЯЕТ НА ПРОИЗВОДСТВЕ. Именно здесь большинство избирателей, именно здесь ему вручают депутатский мандат. Таисия Парутенко приехала из Молдавии в 1977 году. Она не только депутат городского Совета, но и секретарь комсомольской организации своего конструкторского бюро, в котором разрабатываются кабины для водителей. Молдавия — один из райских уголков Советской страны и славится своим мягким климатом, великолепной природой и фруктами. И вот из этого благословенного края Таисия приехала в холодную степь.

— Почему вы приехали? — удивился я.

— Почему? — переспросила она. — Чтобы проверить себя. Построить новый город и быть частью чего-то большего, чем я есть. Разве это не причина?

Перевел с английского
М. КАМЕНСКИЙ

«Единственное, чего бы я хотел в жизни, — стать президентом США».

«Я больше не голосую. Я не одобряю систему... Она больше не срабатывает, и это ясно всем».

Оба высказывания принадлежат американскому писателю и публицисту Гору Видалу. Второе сделано накануне президентских выборов 1980 года. Первое — пару десятилетий назад: Видал даже баллотировался в палату представителей конгресса от демократической партии. И проиграл. Хотя вполне мог надеяться на успех: внук сенатора, друг Элеоноры Рузвельт, сводный брат Жаклин Кеннеди, Гор Видал полагал, что политики считают его своим. Но Видал все же был чужаком, «интеллектуалом» да к тому же незадолго до выборов написал пьесу «Самый достойный», в которой рассказывалось о закулисной политической борьбе.

Конечно, отнюдь не личный проигрыш обратил писателя к критическому исследованию американской политической системы и не враждебность ей: просто он не мог не замечать проигрышей этой системы, не мог не видеть, что она «не срабатывает». По существу, его критика — стремление спасти то, что еще можно спасти, уберечь буржуазное общество от неминуемого краха. Результатом исследований стала трилогия «Вашингтон, округ Колумбия», «Бэрр» (опубликованы в журнале «Иностранная литература» в 1968 и 1977 годах) и «1876». В этих романах писатель показывает, какая грязь накопилась в «коридорах власти» за двести лет американской истории. Результат исследований — серия язвительных статей по вопросам текущей американской политики (в «Ровеснике» № 11 за 1980 год мы опубликовали его пародию на традиционное президентское послание «О положении страны»). Одну из таких статей, напечатанную в прошлом году в «Нью-Йорк ревью оф букс», мы и предлагаем вашему вниманию.

В последнее время граждане США очень недовольны тем, как ими управляет их правительство. Романтики, газет не читающие, полагают, что вопрос решается просто — надо вернуться к первой конституции США, к идеалам ее создателей, так называемых формулировщиков (ну что за восхитительное словечко!), и все будет прекрасно. Реалисты придерживаются другого мнения — выправить положение, считают они, позволит одна-другая поправки к конституции и замена правящей верхушки — особенно человека в Овальном кабинете, где в последнее время квартировало слишком много... не скажу кого.

Сходятся же романтики и реалисты в следующем: Соединенные Штаты — величайшая держава на земле, причем не только на сегодняшний день, а вообще в истории человечества, нашей администрации черной завистью завидуют правители менее выдающихся государств, а стиль жизни наших граждан заставляет скрежещать зубами всю матушку Европу. Что же до Африки, Азии и Латинской Америки, то их вовсе не следует принимать в расчет.

Но каково положение в действительности? А вот каково: ни одно из сотни с лишним государств, появившихся после второй мировой войны, не польстилось на нашу форму правления, хотя кое-где местному диктатору нравится величать себя президентом. Величайшее государство на земле? Полноте,

гегемония США в подлунном мире длилась ровно пять лет: с 1945 по 1950 годы. Насчет зависти со стороны менее удачливых и счастливых (результаты общественного мнения, опубликованные в «Лос-Анджелес таймс» 1 октября 1980 года, показали — 71 процент граждан «золотого штата» считают, что «в США на сегодняшний день самый высокий жизненный уровень»): по доходам на душу населения Соединенные Штаты скатились на девятое место в мире, а жизненный уровень среднего гражданина — он куда выше американского более чем в восьми странах.

Хотя подобная информация не доводится до 71 процента американских граждан, им прекрасно известно о том, что такое инфляция, высокие налоги и безработица.

Роптать начинают даже газеты, принадлежащие к правящим кругам. Три года назад «Нью-Йорк таймс» напечатала серию статей, пронизанных скорее печалью, нежели гневом. Статьи были о том, как, почему и где все пошло наперекосяк. «Управлять нашей страной становится все труднее, — сетовала газета, — потому что наша система правления слишком раздробленная и неэффективная, между тем за последнее десятилетие эта раздробленность и неэффективность только возросли — так считают политические лидеры, ученые мужи и представители общественности по всей стране».

Не будь это напечатано в газете, испокон веку поддер-

живающей наше правительство, можно было бы подумать, что тут сокрыт намек — а не пора ли нам завести своего Муссолини? «...Труднее управлять», «неэффективная система правления...» Но ведь правим мы сами, народ, разве нет? «Нью-Йорк таймс» замечает на своих страницах, что политические партии страны продолжают разваливаться на глазах и постепенно превращаются в механизмы для выдвижения кандидатов в президенты. Но позвольте, две наши ведущие политические партии практически всегда только этим и занимались. Следует напомнить, что создатели конституции были против политических партий или фракций, как они их называли. С течением лет сформировалось два элемента выборной машины, заинтересованные лишь в том, чтобы захватить власть и деньги. Поскольку обе партии представляют интересы

тех, кто владеет и правит страной, «выбор» на выборах не очень-то велик.

Во время президентских выборов 1976 года 45,6 процента граждан, имевших право голоса, отказались голосовать. Из числа голосовавших рабочие составили 48,5 процента. А среди тех, кто не пошел к избирательным урнам, рабочих было 75 процентов. Схема очевидна. Рабочие составляют почти 70 процентов от общего числа избирателей, и совершенно естественно стремление рабочих создать свою партию. Но на выборах 1980 года не голосовало уже 49 процентов избирателей, стало быть, «двухпартийная система» становится совершенно бессмысленной, однако возможностей нарушить ее пока что не видно.

Правящее меньшинство очень довольно таким положением дел; половина избирателей вообще не желает

КТО ПРАВИТ В АМЕРИКЕ ?

Гор ВИДАЛ,
американский писатель

играть в эту игру — и не надо, а другая половина неторопливо плывет по течению президентских выборов, которые насыщены имитацией бурной деятельности — ведь выбора у избирателей фактически нет.

Вообще-то «Нью-Йорк таймс» всегда прекрасно уживалась с теми, чьи интересы представляет. Но серия идиотических военных авантур, а также захватывающая дух дурость тех, кто управляет экономикой (не говоря уже о массовой продажности политиканов), привели к тому, что крушение американской политической системы стало слишком явным. И вот очередной обитатель Овального кабинета валит все шишки на народ, а народ, в свою очередь, обвиняет в своих бедах грязных политиканов. Многие серьезные представители правящих кругов серьезно обеспокоены. «Нашу политическую систему

подмяли под себя крупные предприниматели», — пожаловался один из них в «Нью-Йорк таймс», и звезды сыпались из его глаз словно крокодиловы слезы. Между тем наша система всегда была и остается изобретением этих самых крупных предпринимателей. С самого начала наше правительство было мафией, куда допускались лишь избранные, массы же всегда держались в стороне от управления государством. И никто из властелинов Америки не рвется нарушить этот статус-кво.

Но все же наследники создателей первой конституции США почему-то нервничают, чувствуют — где-то что-то идет не так. А поскольку сами они ни в чем не виноваты — этого не может быть, потому что не может быть никогда! — значит, во всем виноваты слишком много себе позволяющие ленивые избиратели, отъевшие

животы перед телевизорами. А ну-ка подморозим им зарплату! Да взвинтим налоги! Пусть посидят на диете, им полезно!

Да только, любезный политик, закручивай гайки не спеша, а то ведь, не ровен час, заподозрит что-то 71 процент населения — те самые граждане, что искренне убеждены, будто живут в стране с самым высоким жизненным уровнем.

После капитуляции Японии в 1945 году «официально» наша страна в войнах не участвовала. Но наши президенты не могут устоять перед соблазном и охотно лезут во внутренние дела других стран. По части «необъявленных войн», «полицейских акций» наши президенты идут в первых рядах¹. Через

¹ Как известно из самой американской печати, за 200 лет своей истории США совершили 199 вооруженных агрессий. — Примеч. ред.

секретные организации типа ЦРУ они расшатывают чужие правительства, организуют вторжения в неудобные им страны, совершают покушения на иностранных политических деятелей и вовсю — хотя и тайно — шпионят за американскими гражданами. Президенты заставили американцев лить кровь в Корее и Вьетнаме.

Правящая клика то и дело изыскивает внешних врагов — это давно стало нормой. Мы воевали во Вьетнаме, чтобы не допустить туда китайцев, а теперь они, лишившись Мао, стали нашими друзьями. Сегодня нам позарез нужно показать военное превосходство перед русскими — пусть знают... Все уже позабыли, с чего началась нынешняя распря. Ах да! С гонки вооружений. Вот в чем дело. Кажется, они перещегооляли нас по части боеголовок. И вот пропагандистская машина знай себе мелет одно и то же. Быть вторыми? Ни в коем случае. Это не по-американски.

Похоже, что гражданам США все это начинает надоедать. Очень недовольны они и тем, что их деньги выбрасывают на вооружение, хотя их долгое время успешно убеждали: быть вооруженным до зубов — это хорошо. Не нравится им, что забирают у них слишком много, а возвращают назад ой как мало. Не нравится — и точка.

Как и следовало ожидать, правители и их советники из академических кругов боятся всяких радикальных изменений. Билль о правах будет разорван в клочья, полагают они. Конституция упразднит свободы, доселе радовавшие американцев, и наихристианнейшая из стран погрузится в пучины безбожия. Господа правители считают, что народ опасен и глуп. Это довольно спорное мнение. Зато точно известно другое — от господ правителей вреда государству куда больше, чем от народа.

Президент в США — это настоящий диктатор, заменить которого можно лишь через четыре года на официальных выборах, да и кем? — ему же подобным...

Сокращенный перевод
с английского
М. ЗАГОТА

Тхонглай КОММАСИТ,
председатель Учредитель-
ного комитета Народно-
революционной молодежи
Лаоса

ЧЕЛОВЕК ИЗ ВТОРОГО БАТАЛЬОНА, или МОЛОДОСТЬ, ОТДАННАЯ РЕВОЛЮЦИИ

Тхонглай Коммасит был во Втором батальоне солдатом.

...Нескольким женщинам тогда пришлось рожать в пути, то есть, разумеется, не буквально на дороге, но во тьме и полной неизвестности финала пути, которым батальон номер два освободительной армии Лаоса продирался сквозь джунгли к спасению не налегке, как это необходимо воюющему подразделению, но сильно отягощенный в продвижении частично семьями, частично жи-

телями деревень Долины Кувшинов.

В истории лаосской революции это было тяжелое время¹, опасное: батальон номер два остался единственным действующим отрядом освободительной армии, он едва не погиб. Тхонглай Коммасит был в нем солдатом и запомнил на всю жизнь Второй батальон.

Итак, несколько младенцев появились тогда на свет в неподходящее будто бы время, а именно в то время, когда неприятель использо-

вал авиацию для устрашения не сложившегося оружия, продвигавшегося сквозь джунгли упрямого и живучего батальона. (Одного из двух, которым было приказано построиться, сложив оружие, для церемонии «объединения» — торжественного перехода двух батальонов освободительной армии общей численностью в полторы тысячи бойцов в состав королевской армии. Предательский маневр, разгаданный лишь командованием Второго батальона: не к объединению, а к уничтожению батальона готовились королевские войска, окружившие батальон в Долине Кувшинов. Первый батальон, обманутый, разбит, но Второй в ночь на девятнадцатое мая уже на пути к спасению — с оружием и оставленной позади окруженной долиной, и орущими младенцами.)

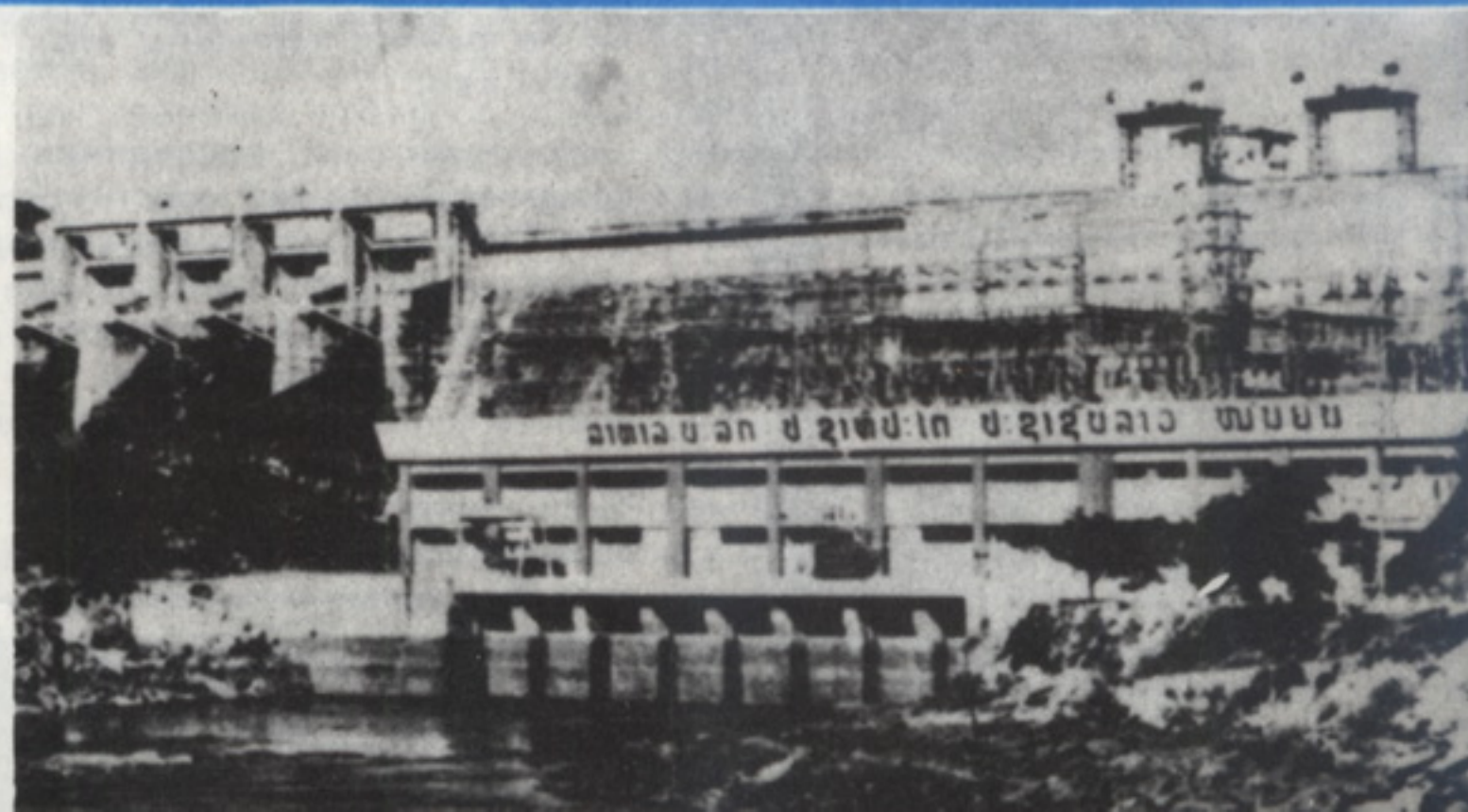
В нем непреклонны были все, несмотря на режущее в небесах «ужащение», а также несмотря на все остальное, специально предпринятое неприятелем для разгрома, который — по мнению неприятеля, но и по мнению оставшихся под самолетами тоже — мог начаться со слабости одного. Разгром всегда начинается со слабости одного, но таких одино-

чек не было. Да все потому, что даже и женщины — те, которым природа повелела рожать именно сейчас, во тьме, при полной неизвестности финала, — они были мужественны настолько, что дети появлялись на свет под рев авиации, но не под крик матери. А казался бы, им крика сдержать невозможно: так природа повелела...

Дети — важная деталь революции.

Во Втором батальоне было двести пятьдесят человек небойцов. Бойцов во Втором батальоне было около тысячи с примкнувшими из Первого, разбитого. Двести пятьдесят — почти все матери или дети. Так шли. Кто остался жив, продолжил жизнь как ЧЕЛОВЕК ИЗ ВТОРОГО БАТАЛЬОНА. Настолько легендарен Второй батальон. Настолько страшен его бессмертный путь: окруженный превосходящим по силе противником, батальон вышел из окружения, прорвав кольцо и дав бой войскам на подступах к долине. Пройдя через горы, он продолжил свою войну в джунглях и потом вернулся в долину боем. Дети были важной деталью. Сколько ни вспоминалась Тхонглаю Коммаситу его молодость, он думал об этих детях: что с ними теперь?

¹ Долгое время Лаос находился под властью французских колонизаторов, а также был оккупирован Японией. В 1953 году Франция признала независимость Лаоса (по договору с королевским правительством Лаоса). Вскоре в стране была принята программа строительства нового Лаоса и сформировано правительство национального единства, в которое вошли представители Патриотического фронта Лаоса. Решением нового правительства предусматривалось включение двух батальонов Патет-Лао (вооруженные силы Патриотического фронта) в королевскую армию и расформирование всех остальных частей освободительной армии. В конце 1958 года правительство национального единства было свергнуто и к власти пришли правые силы. В мае 1959 года королевские войска должны были, по замыслу правых, разгромить Второй батальон. Только осенью 1960 года развернулись широкие военные действия между войсками правой группировки и вооруженными отрядами освободительной армии. — Здесь и далее примечания редакции.

Вооружаемая, снабжаемая и обучавшаяся американскими специалистами двадцатидесятитысячная королевская армия не смогла догнать, разбить, победить Второй батальон, а он не только защищался и уходил от преследования, он наносил удары и побеждал. В чем был секрет? Его тысяча «штыков» представляла загадку: чем могла поддерживаться железная храбрость случайно не ликвидированного батальона, что питало его железное мужество и что позволяло наносить ощутимые удары королевской армии при явном проигрыше в количестве бойцов и вооружения? Что защищали яростные штыки?

Это должны были быть железные люди: они не слышали неба и могли уснуть под ним так, что утром на щеке оставался след от пуговицы на рукаве или от приклада винтовки.

Это, должно быть, были нежные, легкоранимые люди. От писка младенцев они просыпались. Ведь детям нужны колыбельные песни. Их не хватало, песен.

— Тхонглай Коммасит, сколько вам было лет тогда?

— Двадцать три.

— Расскажите, пожалуйста, о себе.

— Мне очень приятно, что вам интересна жизнь такого простого бойца революции, как я. Но что мне рассказать? Всю жизнь я стремлюсь до конца выполнять свой долг. Выполнение долга — это разные дела, важные для революции, которые следуют одно за другим. Только этим я занимаюсь.

— Как вы попали во Второй батальон?

— Я вступил в ряды регулярной освободительной армии сразу после освобождения. Сначала я служил в северных провинциях. После

того как было принято решение об объединении войск правительства и Патриотического фронта, я был направлен во Второй батальон для участия в мероприятиях, связанных с выполнением этого решения. Как развивались события, известно. Но прежде чем батальон прорвался из окружения, обманув часовых, мы довольно долго стояли в окружении, и задачей наших врагов было заставить нас покинуть батальон поодиночке, что привело бы к расформированию батальона. Первый же случай самовольного ухода означал бы гибель всех.

— Почему?

— Предательство отнимает силы у тех, кто остается тверд. Понемногу, но отнимает.

— А были такие случаи?

— Ни одного, конечно.

— Почему «конечно»?

— Второй батальон жив: он наше «старое знамя» теперь...

— Что было самым трудным?

— Май 1959 года. То есть время, когда мы пошли. Оказалось, легче готовиться к смерти. Труднее идти. И ведь с нами были дети, а некоторые были совсем маленькие. Но не у всех, конечно, была семья при батальоне. У кого-то семья была далеко. Кроме авиации, устрашающими рейдами которой нас хотели запугать и заставить вернуться, у врага были еще другие уловки.

— Уловки?

— Да. Например, кошельки с деньгами, их сбрасывали над нами. Наверно, никто из нас не представлял, что нам предстоят еще более тяжелые испытания и что после авиации устрашения начнутся страшные бомбежки американцев. Никто не знал, когда будет победа. Некоторые, кто шел с нами, ничего не знали о революции, кроме того, что «революция — это хорошо». Теперь эти кошельки кажутся мне смешной затеей... но я думаю так: плата, которую они назначали за нашу гибель, становилась все больше, и потом они перестали считать бомбы и не тратились на такую мелочь, как подкуп: враги революции рано или поздно превращаются во врагов людей живых.

— Вы были ранены?

— Только один раз, в ногу.

Отец Тхонглая приехал в батальон звать Тхонглая вернуться домой. Он приехал из провинции Атапы, которая находится на юге страны, между тем как батальон шел на север. Отец как бы приехал звать сына назад. У него был только один сын, Тхонглай. В роду его все выращивали рис, за исключением нескольких представителей рода, которые торговали беглого успеха. Тхонглай потом стал считать, что произошел из крестьян, и это было справедливо, потому что его отец всю жизнь выращивал рис и рисом платил, и даже земля, на которой они жили, тоже измерялась количеством выращиваемого на ней риса. Земли не могло быть много или мало. Земля могла быть богатой или бедной, и мера бедности называлась: рис.

Тхонглай понял, что отец не сам придумал приехать. Его убедили, что он должен приехать и забрать своего единственного сына. Он поехал. Если бы его заставили, у него было бы другое выражение лица. Это увидел Тхонглай в сумерках окружения, и в ночи окружения он продолжал видеть это лицо, и потом, спустя время, в горах, и еще позже, в джунглях, и когда был ранен, и когда вернулся в Долину Кувшинов с боем, и много лет спустя. Всякий раз, вспоминая, он ощущал досаду: лучше бы они набросали еще больше бесполезных кошельков. Кошелек можно отпихнуть ногой, это пестрая мертвая вещь.

— Уходи, выбирайся отсюда, — сказал отец, который не мог быть лишь деталью жизни сына, потому что был ее причина, так же как батальонные дети не могли быть лишь деталью жизни и движения Второго батальона, а были смыслом, но это стало понятно потом. Как и все.

— Зачем? — спросил Тхонглай.

— Чтобы вести привычную жизнь крестьянина, — сказал отец, и лицо его омрачилось ложью, и это тоже навсегда увидел Тхонглай. Дело в том, что отец не думал такими словами, но слышал от кого-то, и когда услышал, посчитал убедительными, а когда произнес, постыдился. Отец был крестьянин, привязанный к жизни.

— Что вы едите? — спросил отец.

— Маис, — сказал Тхонглай правду. — Риса у нас нет.

— Что будет, если ты уйдешь? — спросил отец.

— Ничего не будет, — сказал уставший Тхонглай. — Смерть.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ВТОРОГО БАТАЛЬОНА, один из тысячи его бойцов, Тхонглай Коммасит недавно приезжал в Москву. Сейчас он председатель Учредительного комитета Народно-революционной молодежи Лаоса. В Москву он приезжал как гость XIX съезда ВЛКСМ. Мы встретились в один из съездских дней. Для товарища Тхонглая его пребывание на съезде было, по его словам, чрезвычайно важно. Важно потому, что молодежная организация, руководителем которой он является, должна многому научиться у комсомола. В частности, это касается также работы прессы, сказал он. Как лучше организовать выпуск газет, книг для молодежи и детей? Необходимо, чтобы молодежь знала как можно больше. Крайне необходимо, чтобы молодые лаосцы хорошо представляли себе все трудности и помнили, изучали прошлое революции. Сейчас уже выпущена книга «Второй батальон». Но жизнь движется вперед, появляются новые детали...

— В качестве примера нашего сотрудничества с комсомолом я могу привести такой факт, как получение нами нового оборудования типографии для выпуска газет. Опыт моей жизни говорит о том, что идеологическая работа остается постоянно важной на всех этапах развития революции, республики, страны. Я помню, как много лет назад я разговаривал с отцом, который просил меня уйти из батальона. Сначала отец не мог меня понять. Но потом он меня понял. Обстановка тех лет в нашей стране была очень накаленная. Правительственная группировка арестовала руководителей освободительного движения, которые входили в состав коалиционного правительства. Экономическое положение продолжало ухудшаться — мы по-прежнему зависели от иностранной помощи,

ЛИВАН: ДВА ВЗГЛЯДА НА ТРАГЕДИЮ

Два журналиста — один из социалистической Чехословакии, другой из Соединенных Штатов — побывали в Ливане. Один — за месяц до начала израильской агрессии, другой — в самый разгар геноцида палестинского и ливанского народов.

Один рассказал, как готовились уничтожить народ, как бомбардировщики «проутюживали» лагерь беженцев, как дальнобойная артиллерия стирала с лица земли школы и госпитали, как на практике осуществлялась кровавая военная доктрина израильских сионистов: «массированные бомбардировки городов и лагерей беженцев должны предшествовать действиям пехоты для того, чтобы сберечь жизни израильских солдат». Подготовка к уничтожению народа шла задолго до начала войны.

Рассказ другого — словно набор моментальных снимков агонии осажденного города. Американский журналист выбирает самые эффектные ракурсы для своих словесных фотографий, не жалеет красок, эпитетов, сравнений в описании ужасов войны и прелестей мира. Тут и бетонные галереи, «раскрошившиеся, как бисквитное печенье», и «салат из «мерседесов», и кладбище, вызывающее непостижимые ассоциации с перевязанными ленточкой коробками с пирожными. Тут и благодать мирной жизни в Восточном Бейруте. Читаешь и думаешь: зачем ему это! Природная кровожадность, отсутствие такта в описании чужого горя! Нет, все не так просто.

Два журналиста побывали в Ливане. Два журналиста описали увиденное. Но смотрели они на кошмар войны, готовившейся и наступившей, разными глазами: глазами солидарности с жертвами преступной агрессии и расчетливым взглядом агента империалистических интересов, старающегося скрыть свою истинную заинтересованность кощунственным вопросом: «Кто прав в этой войне!» Так кто же прав — фашиствующие израильтяне и вкладывающие в руки убийц оружие американские империалисты или лишенный родины многострадаальный палестинский народ!

21 августа Организация освобождения Палестины начала эвакуацию своих боевых отрядов из Западного Бейрута. Как заявил на церемонии проводов один из руководителей Палестинского движения сопротивления, Абу Айяд, согласие палестинской стороны на эвакуацию своих отрядов продиктовано в первую очередь заботой о судьбе мирного населения ливанской столицы. Абу Айяд подчеркнул, что и после эвакуации позиция Организации освобождения Палестины будет не менее твердой, чем в период осады Бейрута. Палестинцы будут по-прежнему бороться за свою родину, против предательских кэмп-дэвидских соглашений и предусмотренного ими плана так называемой «административной автономии» для населения оккупированных территорий.

Роджер РОЗЕНБЛАТТ, корреспондент американского журнала «Тайм»

Бейрут. 5 утра. Автоматная очередь начинает день — вопль, глухие рыдания. Все как обычно. Вчера в полдень неподалеку от отеля, где я остановился, взорвался автомобиль. Двое убитых. Всюду руины: проваленные крыши, осевшие стены, рваная арматура, бетонные балки плятятся в солнце, застыв в невообразимых, уродливых позах. В стене соседнего здания зияет дыра, то, что раньше было гаражом, напоминает древнюю пещеру, в салате из «мерседесов» я нахожу альбом снимков коронации королевы Елизаветы, два черных башмака, стоящих на чаплинский манер. Воздух густ гарью и трупным запахом. Ничего уцелевшего: калеки-дома, калеки-люди. Ничего безопасного, всюду смерть. То, что случилось, ужасно. Что будет дальше, страшнее еще. Женщина подметает балкон. Закончив, она смотрит на иностранца на балконе отеля напротив. Тот смотрит на нее как на существо с другой планеты.

Закат. Разрушенный стадион в Западном Бейруте. Верхние галереи раскрошены как бисквитное печенье, металлические шесты, где некогда развевались флаги, повержены или склонились к земле. Ступени трибун, где гремели голоса тысяч болельщиков, теперь похожи на гигантские школьные мелки, сваленные в кучу. Прошмыгнула собака. Неподалеку простучали выстрелы. Под ногами воронка, заполненная водой. Днем это бассейн.

Ночь. Полумесяц обнимает звезду как на арабском флаге. Два часа ночи. Израильские истребители пронесли

над отелем. Страшный грохот закладывает уши. В черноте неба вспыхивают две желтые ракеты, потом дождь трассирующих пуль. Алеш БЕНДА, корреспондент чехословацкого журнала «Млади свет»

Уже два часа мы едем от Бейрута на юг по направлению к границе с Израилем. Проехали Сидон, легендарную Сайду, подъезжаем к реке Литани. В мирное время этот путь занял бы не больше получаса. Я бывал в этих местах раньше, десять лет назад, по туристической путевке. Тогда еще не было войны. Тогда по прекрасной асфальтированной дороге машины неслись одна за другой. Сейчас война, и следы ее повсюду. Огромные воронки от бомб на полях, приносивших по три урожая в год. Апельсиновые рощи, заросшие сорняком: колючим кустарником, травой.

От бетонного моста через небольшую речку остались выглядывающие кое-где из воды быки. Под его пролетами погибло несколько десятков человек: они прятались под мостом во время налета израильских «фантомов». Роджер РОЗЕНБЛАТТ

Наш автомобиль следует по Дамасскому шоссе. Проезжаем лечебницу для глухих. Тоже разрушена. Каково не слышать, когда на тебя падают бомбы!! На заднем сиденье переговариваются два израильских военных — Дан, мой официальный сопровождающий, и Эли, которому с нами по пути. Эли историк по образованию, окончил Сорбонну, преподавал в Тель-Авивском университете. Нет, он не думает, что это последняя война, которую ведет Израиль: «Нас окружают враги». Он майор, участвовал в трех войнах. Сын чуть не заплакал, когда отец опять пошел воевать.

Все дальше на юг. Навстречу движется израильская техника на Бейрут. В восемь тридцать мы въезжаем в Сидон. Много разрушений. Впрочем, Сидон всегда был в развалинах. Кто отличит древние руины от современных! Эли не жалко разрушенные камни: «Детей, да».

Алеш БЕНДА

Наш «джип» останавливается у развалин какого-то большого строения. Это была красивая современная школа. Восемнадцать месяцев назад после очередного налета

израильских самолетов школа превратилась в руины. Дети возле школы когда-то посадили фруктовые деревья, сейчас они выглядят очень странно, будто кто-то их специально раскалывал пополам топором, а потом выдергивал из земли.

Роджер РОЗЕНБЛАТТ

В пресс-центре ООП. Смотрю в окно. Все магазины закрыты, искореженные металлические ставни. Эту улицу часто бомбят. Стены обложены пустыми бочками из-под масла, на которые навалены мешки с песком. Вышел офицер и сообщил, что пресс-конференция состоится в 13.00.

На столе пустые капсулы кассетных бомб. Футляры из-под сотен (а может, больше) «бомбочек» лежат рядом с миниатюрной шахматной доской ручной работы.

Алеш БЕНДА

Мы в помещении объединенного руководства палестинских и национально-патриотических сил. Когда-то эта вилла принадлежала местному богатому помещику, он удрал в Европу, и здесь расположились бойцы. На вилле командование полка «Жармак». Его двадцатисемилетний командир Халид Гани показывает мне на карте Набатии и ее окрестностей диспозицию неприятеля. Я смотрю на бойцов, собравшихся в штабе. Только очень молодые или много старше: пятнадцать-двадцать лет, или уже за сорок. Поколения тридцатилетних нет. Большинство из них погибло. Ведь война идет уже не первый год.

Вытеснив большинство палестинцев с их исконных земель, Израиль продолжает преследовать изгнанников и там, где они нашли прибежище — в Ливане. Дестабилизирована ливанская государственность, подорвана экономика, война против Ливана идет на уничтожение. Сейчас военные подразделения ООП объединены с национально-патриотическими силами Ливана, которые рассматривают борьбу палестинцев как составную часть борьбы против империализма на Ближнем Востоке. Объединенные воинские подразделения, которые я видел в Набатии, состоят из ливанцев мусульман и христиан, коммунистов и людей глубоко верующих, палестинцев и представителей других арабских народов.

Роджер РОЗЕНБЛАТТ

Полдень. Палестинское кладбище. Под деревьями, похожими на зонтики, непривычно прохладно. Вместо могильных плит фотографии мертвых, словно иллюстрации из ежегодника. Четыре свежевыкопанные могилы пахнут красной землей. Кругом ленточки как на коробках с пирожными. Сломанные носилки, рядом лежит зеленая хирургическая маска. На юге ухает артиллерия.

Экскурсия за «зеленую линию» в Восточный Бейрут. И в иной мир. В витринах легкие летние платья, яркие пляжные мячи гроздьями развешаны в магазинах игрушек. На темно-зеленых кустах распустились красные цветы. Восточный Бейрут расположен на возвышенной территории города, здесь прохладно. Если бы не «джипы» и бронетранспортеры, трудно представить, что и здесь война. Внизу лежит бейрутский аэропорт. Безжизненное пространство, два остова сгоревших самолетов.

Кругом афиши фильмов с участием Вуди Аллена и забавный дорожный знак «Детка, люби меня». На стенах, свесив ноги, дети в плавках, купальниках, надувные матрасы плывут по водам, что некогда бороздили финикийцы. Я в Бейруте! Ленч в ресторанчике Рыболовного клуба, постоялец болтает с хозяином, тот с удовольствием рассказывает, какие знаменитости обедали у него, и в доказательство извлекает книгу почетных гостей. Где же война!

Алеш БЕНДА

Эль-Баас, Рашидия, Бурж-Шемали — это названия лагерей палестинских беженцев. Возникли они еще в 1948 году с первой волной изгнанников. Сначала здесь были только палатки. Каждый считал, что беженцем пробудет недолго. Потом появились домики: зимой здесь бывает холодно, изредка выпадает снег. Да и невозможно провести всю жизнь (уже 34 года) в палатке. Первое время ливанское правительство во требовало, чтобы домики не выглядели как постоянное жилище. Нельзя было провести водопровод, запрещалась любая другая крыша, кроме плоской, и цемент в фундаменте был грубейшим нарушением предписания. Так продолжа-

лось двадцать лет, потом произошли некоторые изменения. Палестинцы получили скромные права. Изменения начались с того, что в домики провели воду. Водопроводные трубы часто тянулись прямо по земле на узких улочках от дома к дому. Потом очередь дошла до крыши и фундамента. Начали строить укрытия. Водопровод, укрытия, цемент для строительства — все это беженцы получали от Организации освобождения Палестины. Укрытия — суровая необходимость: израильская авиация наносит удары внезапно. От границы до лагеря палестинцев пара секунд полета, и на объявление тревоги нет времени. Еще страшнее атаки с моря. Рашидия и Эль-Баас лежат на побережье. Никакая служба предупреждения тут не успевает срабатывать.

Лагерь Рашидия — один из самых знаменитых на юге Ливана. С 1973 года по февраль 1982 года он пережил 710 нападений израильтян с воздуха, с моря, с суши. За это время на лагерь обрушилось 15 тысяч гранат, бомб и снарядов, 240 беженцев погибло, больше тысячи было ранено. Каждые девять из десяти домов были или полностью разрушены, или сильно повреждены. Целые месяцы беженцы жили под землей в убежищах. Пятьсот детей родилось под землей.

Борьба за сохранение лагерей — это борьба за сохранение палестинцев как народа. Из лагерей приходит молодежь в воинские подразделения ООП, в лагерях дети (уже третье поколение изгнанников) узнают о судьбе своего народа, о его культуре, традициях. Значение лагерей беженцев для выживания палестинского народа понимает ООП, но понимает это и Израиль. Организация освобождения Палестины прикладывает все силы, чтобы сделать жизнь в лагере более-менее сносной, Израиль стремится превратить ее в невыносимый ад, чтобы выгнать людей оттуда, где они живут вместе, и рассеять их не только по Ливану, но и по всему свету.

Роджер РОЗЕНБЛАТТ

В такси. Проехали мечеть. На черной стене детской рукой ярко-голубой краской изображен самолет, который сбрасывает ярко-голубые

бомбы. Горят обломки зданий, земля пышет жаром, расплавленное солнце стекает с неба. Шувейфат — плацдарм ООП (в действительности обыкновенный жилой район) восточнее бейрутского аэропорта. В пятистах метрах отсюда позиции израильтян. Белые безлюдные улицы. В небе парят два «фантома» бок о бок, как кавычки.

Вдруг ураганный огонь. Бойцы ООП ведут ответный огонь. Тощая кошка ищет укрытие, цыпленок перебегает дорогу.

В пресс-центре ООП вдруг сильное оживление. В сопровождении телохранителей входит Ясир Арафат. Усталый, он кажется меньше ростом, но по-прежнему полон энергии, что, видно, стоит ему значительных усилий воли.

— Когда кончится эта война? Когда палестинцы уйдут из Ливана?

— Мы тоже люди. Мы имеем право на человеческую жизнь. Мы имеем право на самоопределение. Мы имеем право на родину. Мы имеем право создать собственное государство. Мы будем бороться за свои права.

— Вы сдадите оружие ливанской армии?

— Ливанской армии!

Алеш БЕНДА

Мы стоим перед глубокой квадратной ямой. Несколько молодых парней, сварщиков, закрепляют металлическую конструкцию, другие заливают ее бетоном. Инженер с планом на коленях объясняет, что где будет в новой палестинской больнице в Тире. «Вот это две подземные операционные, нам надо быть готовыми ко всему». Тут раздался взрыв, потом застучали зенитки, казалось, стреляли со всех сторон. Инженер показал мне вверх. В ясном синем небе на огромной высоте была видна небольшая точка. Она казалась почти неподвижной. Израильский самолет-разведчик фотографировал территорию Южного Ливана.

Роджер РОЗЕНБЛАТТ

Во время воздушного налета на этот госпиталь упали шесть израильских бомб. Шесть убитых, двадцать раненых. Осколками в клочья разорвало двух пациенток, отдыхавших в качалках. Ракета, попавшая в детское

отделение, угодила в одеяло и чудом не взорвалась.

В детском отделении стоит шкаф с игрушками: ксилофон, пластиковый гусь, кукла-блондинка, удивленно раскинувшая руки.

Другой госпиталь в отеле «Триумф». В ресторане на месте столов двенадцать кроватей. Темно. На двери табличка: «Действительны кредитные карточки «Американский экспресс». На верхних этажах пациентов больше. Ливанец Саид находился дома, когда взорвалась фосфорная бомба. Теперь вместо лица у Саида яркое розовое пятно, словно под целлофановой пленкой, и удивленные глаза: отняли лицо. На одной из кроватей сестра причесывает женщину. Кассетная бомба, упавшая на ее дом, убила дочь двадцати двух лет и ранила сына шестнадцати лет.

Госпиталь Макассед — настоящий госпиталь. Двенадцатилетнюю Худу осколком ранило в живот. Сейчас ей лучше, она улыбается, чтобы показать это. Почему идет эта война? Она не знает. Махмуду тоже двенадцать. У него обожжен лоб. Махмуд верит, что бог накажет виновных.

Время решить: кто прав в этой войне. Израильтяне, палестинцы, ливанцы — все они, конечно, правы. Конечно, правы те, кто их поддерживает. И те, кто придерживается одной стороны, двух, трех. Солдаты тоже правы. Политики и поэты. Правы все. Правы калеки, парализованные, сумасшедшие. Дома и стадионы. Кто продает оружие и кто вооружается.

Алеш БЕНДА

У коровы есть дом.
У лошади есть дом.
У поросенка есть дом.
У девочек есть дом.
У мальчиков есть дом.
Только у палестинцев нету дома.

Эту песенку я услышал в детском саду, ее пели трехлетние дети. Их воспитательница, молодая красивая женщина, родилась в Иерусалиме, кончила университет в Гамбурге и приехала в Ливан, чтобы воспитывать палестинских детей в лагерях для беженцев.

Перевели
с английского В. СИМОНОВ,
с чешского Д. ПРОШУНИНА

особенно американской, и эта помощь, например в отношении сельского хозяйства, была больше всего рассчитана на решение политических проблем, американских проблем, которые они находили в Лаосе; главная цель — подрыв влияния Патристического фронта. Один из «методов», применяемых империалистами, заключался в насильственном переселении крестьян из отдаленных районов в так называемые «деревни единства» и «зоны сельского развития». В этих зонах «развитие» происходило под присмотром полицейских, а крестьянские хижины стояли на виду армейских казарм. Всякий раз переселение сопровождалось карательными операциями. До провозглашения республики оставались еще годы, много лет!

Долина Кувшинов — это долина со множеством камней. Эти большие камни напоминают кувшины. Говорят, что это, возможно, и есть кувшины, только очень древние. Возможно, что предки хранили в них рис. Но потом кто-то сильный и безумный раскидал эти кувшины, и они застыли камнями. Так бывает со всем, откуда уходит жизнь, будь то вещь или дом... Все каменеет. Отец Тхонглая ушел от сына. Он редко вспоминал то время, когда сын был младенцем, потому что это должна вспоминать больше мать. Крик будто бы ребенка настиг его этой нехорошей ночью, и он отмахнулся от этого сна.

Когда готовилось наступление на Долину Кувшинов, его сын Тхонглай руководил уже штабом, но в бою он лишь руководил ротой. Это не был ни первый, ни последний бой, ни самый тяжелый. Просто надо было вернуться в долину, а то она как пустая и мертвая. Но и вернуться было мало, как стало понятно потом. Долина Кувшинов еще долго была нежива. Шли бои.

А дети? Росли. Без песен? Порой батальону приходилось идти по несколько дней, пока они добивались до какого-нибудь поселка. Шли по десять дней.

Через несколько лет Тхонглай Коммасит, окончивший

офицерскую школу и награжденный за участие в боях «Орденом Свободы», разъезжал по частям в поисках особо одаренных бойцов. Это было время жестоких бомбардировок, и люди укрывались в пещерах. Жизнь шла в пещерах. Поручение, которое выполнял Тхонглай, не имело отношения к боям и смерти. Оно имело отношение к жизни в бою.

Неважно, каким был талант, который искал в человеке Тхонглай. Человек мог хорошо петь. Он мог быть просто необыкновенно добрым, душевным. Тхонглай записывал и его. Он считал человеческую душу, полную добра к людям, талантом и записывал фамилию владельца. У себя он не находил никаких талантов. К примеру, прекрасный классический народный танец единения, братства, а также исполняемый на свадьбах — «ламвонг» он мог исполнить только в уме. Но зато он умел увидеть в другом человеке талант и заставить человека поверить в свой талант и в то, что это именно сейчас, под бомбами, необходимо. Тхонглай не знал, что существует и такая форма таланта, как у него. В шестьдесят шестом году Тхонглай Коммасит создавал народную самодеятельность. Естественно, что это была армейская самодеятельность.

Первый налет американской авиации на освобожденные районы был совершен 17 мая 1964 года¹. С начала шестьдесят шестого года для бомбежек в Лаосе американцами стали использоваться стратегические бомбардировщики типа Б-52, это не было похоже на авиацию устрашения. До семьдесят

¹ Военные действия американской армии в Лаосе были тесным образом связаны с военными действиями США во Вьетнаме. Интенсивность бомбардировок районов Лаоса, контролируемых ПФЛ, возрастала по мере эскалации американской агрессии во Вьетнаме: Лаосу отводилась роль опорного плацдарма США в Индокитае. Самые тяжелые годы этого периода борьбы лаосского народа приходятся на 1968 и 1969 годы. В начале 1971 года американо-сайгонские войска в количестве 30 тысяч человек вторглись на территорию Южного Лаоса. Остановив противника, войска ПФЛ перешли в наступление.

первого года на территорию освобожденных районов было сброшено три миллиона тонн американских бомб. Шла «особая война» в Лаосе. Основным театром военных действий оставалась Долина Кувшинов.

А Тхонглай под бомбами искал поющих и танцующих от природы людей. Он находил их. И ему его поведение не казалось странным, ведь он был человеком из Второго батальона, он знал, зачем это нужно. Список его стал большим. Тогда они дали первый концерт, прерванный боем, ранением солиста.

Он сформулировал тогда свою задачу так: в форме танца поднять дух народа. Также он считал приемлемой форму песенного речитатива, это тоже народное. Песня и дети привязывают человека к жизни. Теперь из того ансамбля получилось два. Они работают, поют. «Ламвонг» исполняется теперь без винтовок, конечно. Винтовки — это частная деталь времени.

— В шестьдесят восьмом году я был направлен в Сиангкхуанг, который считался пеклом.

— Особое задание?

— У меня было одно такое задание: вывести из зоны боев мирных жителей.

— Расскажите об этом.

— Я выполнил это задание.

За пекло Сиангкхуанга офицер Коммасит получил второй орден, «За мужество». А еще через несколько лет его военная судьба закончилась с окончанием войны. И он прошел войну до самого ее конца: он был связником, парламентаром во время подписания Соглашения о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе. До провозглашения республики оставалось два года, и вся жизнь только начиналась.

Но если бы тогда Тхонглай кто-то спросил, что его сильнее всего беспокоит в этой жизни, что тревожит и тревожило всегда, то он, ЧЕЛОВЕК ИЗ ВТОРОГО БАТАЛЬОНА, оглянулся бы на свой батальон.

Когда-то, уходя от сына, оглянулся на батальон его отец, которому показалось, что заплакало дитя в крошечной железной, не подобающей для плача ночи. Но отец не поверил, что и это могло быть, а то было сущей правдой.

— А был ли когда-нибудь

счастлив, спросите вы. Был ли я счастлив по-настоящему, как следует каждому человеку? И я отвечаю: да! Конечно! Но главное заключается в том, что я никогда не думал о себе в те прекрасные мгновения своей жизни, а всегда был слишком занят для большого, затрагивающего душу разговора о человеке и о его счастье. И сегодня, скажем, для счастья мне крайне необходимы детские книги, чтобы их было много, чтобы дети могли их читать вволю. Я смотрю на людей и завидую им не от себя лично. Я завидую новым людям, которые будут расти, читая красивые книги, и никогда не узнают, что можно позволить одним — приказывать, другим — покорно исполнять. Я мечтаю — тогда-то я буду счастлив полностью! — увидеть лицо человека, свободного от пороков, недостатков, которые есть ужасные пережитки прошлого. Такие люди уже есть, и их будет много.

— А что случилось с теми детьми — детьми Второго батальона?

— Они выросли!..

Этим детям сейчас столько, сколько было Тхонглаю, когда они родились.

...Нескольким женщинам тогда пришлось родить в пути, во тьме и полной неизвестности для них всего дальнейшего пути; и они не знали даже, что станет с их детьми во тьме и неизвестности финала, к которому упрямо шел не захотевший умирать Второй упрямый батальон с примкнувшими — не налегке, как бы было положено воюющему подразделению, но с ношей, как положено выводимым из беды. Несколько младенцев так появились на свет в самое необходимое время для их рождения, охраняемые теми, кто потом продолжал жить как человек из Второго батальона. Такова была их судьба — выводить. Чтобы никто не посмел дрогнуть.

Даже после спасения.

И чтобы после гибели, если судьба, осталась песня и жили дети.

Кто проверит наши силы?

Ведь минуты слабости есть у каждого человека, имеющего живую душу. Но душа тревожится о других, и человеку кажется, что его душа железна. Но кто проверит ее силы?

Нина ЧУГУНОВА

¹ Лаосская Народно-Демократическая Республика провозглашена 1—2 января 1975 года.

На следующих страницах вы прочтете три исповеди — три взгляда на расовую проблему. Расизм, порождение капиталистического общества, вышел на свет вместе с буржуазией и вот уже пятьсот лет не умирает. Он появляется всюду, где эксплуатируют труд иноземцев, будь они черными, коричневыми или желтыми.

В последние двадцать лет Соединенные Штаты делали кое-какие попытки, чтобы хоть немного смягчить расовое напряжение. Судьба Роджера Уилкинса на первый взгляд может быть понята как доказательство успешности этих попыток. Ведь он сегодня принадлежит к интеллектуальной элите США, правда, в качестве рекламного негра, как он сам называет себя. Он входит в ряд коллег ведущих вашингтонских газет, он ответственный сотрудник госдепартамента, он член комитетов дюжины общественных организаций, от Службы семьи и ребенка до комитета по присуждению Пулитцеровской премии. Создается странная картина: Роджер Уилкинс олицетворяет сегодня все, чего может добиться «хороший» негр, а добился он такого положения, мучительно доказывая себе и другим: «Я не ниггер», «Господь сыграл со мной такую злую шутку, создав меня негром».

Предательство своего на-

рода, своих корней, страх, унижение, сделки с совестью — такова цена успеха, как ее видит сам Роджер Уилкинс, оглядываясь назад. И может быть, «Исповедь рекламного негра» — лучшее доказательство того, как бесполезны косметические решения расовой проблемы.

Известно, что не может быть свободен народ, который поработывает и угнетает другой народ. Белые расисты США сами оказались за решеткой, выкованной из страха, ненависти и предрассудков. И сколько ни старается героиня очерка Бланш Маккрэри Бойд вырваться на волю, ей не хватает сил и решительности поломать эту решетку, она шаг за шагом сдает позиции.

Южноафриканец Джонас Гвангва — полная противоположность Уилкинсу. Он ищет освобождения от расизма не для себя лично, а для своего народа, он полон достоинства и самоуважения. Он знает, как покончить с расизмом и апартеидом, — это реальная борьба. Ансамбль «Амандла» расисты не сажают в рекламное кресло (да люди из ансамбля ни за что и не сели бы в него), с ним воюют как с настоящим врагом, воюют не на жизнь, а на смерть. И погибает в этой борьбе расизм, в это верит Джонас Гвангва и все, кто борется с ним плечом к плечу.

Ранней весной 1932 года в Канзасе в маленькой больнице для негров у Эрла и Элен Уилкинс родился их первый и единственный ребенок — я.

Мои родители никогда не говорили ни о рабстве, ни о предках. Образы Африки казались образами дикости, варварства и отсталости. Однажды, когда я был совсем малышом, я сказал маме, после того, как от нас ушел гость, знакомый моих родителей:

— Мистер Бледсоу — черный, правда, мама?

— Никогда не называй никого черным! — воскликнула она. — Это просто ужасное слово.

Поэтому, когда мистер Бледсоу пришел к нам в следующий раз, я сказал:

— Мама, он темно-синий.

Когда мне исполнилось два года, мой отец лечился в туберкулезном санатории и прислал мне оттуда письмо.

Прочешь его тогда я, разумеется, не мог, но его стоит процитировать: оно много говорит о том, как отец собирался воспитывать своего сына-негра:

«Дорогой Роджер!

Поздравляю тебя со второй годовщиной твоего рождения. Младенчество позади, и тебе пора задуматься над свершениями, которых естественно ожидать от блестящего молодого джентльмена на пороге зрелости.

В течение последующего года ты должен изучить алфавит, а также французские и английские идиомы, составляющие принадлежность словаря каждого культурного человека. Ты должен обрести полный контроль над теми естественными склонностями, которые, оставшись неуправляемыми, становятся источником беспокойства даже для самых лучших бабушек. Ты должен научиться обращаться со столовым сереб-

Роджер УИЛКИНС,
американский журналист

ром так, чтобы вести себя за столом легко и непринужденно, и ты должен также овладеть основами поведения в обществе — вежливостью, тактом, вниманием к окружающим тебя людям и т.д. Все это не должно составлять для тебя труда. Тебя опекают лучшие из женщин в лице твоей бесценной бабушки и твоей превосходной матери.

И никогда не забывай, что ждут от тебя очень многого.

Твой любящий отец».

Мы жили в оштукатуренном доме на вершине холма в маленьком негритянском районе, который назывался Раундтоп. Я никогда не ощущал себя бедным. В нашем доме были не только еда, и одежда, и все остальное, необходимое для жизни, но был даже рояль, на котором иногда играла моя мать. У нас даже была приходящая прислуга, миссис Тернер.

Когда настала пора идти в школу, Совет попечителей предоставил нам большой желтый автобус, который провозил нас мимо четырех или пяти великолепных школ,

щины, девочки. Но я искал мальчишек. Наконец я увидел группку. Их было четверо, примерно моего возраста, темные. Одежда на них не была такой живописной, как на детях Гарлема, она просто была старой. Их явная бедность, угрюмые лица подсказали мне, что они так же суровы и жестоки, как мальчишки Гарлема.

Один из них заметил мое приближение и крикнул:

— Эй, глянь-ка на этого придурка на велике!

Все посмотрели на велосипед, потом на меня. Я не разглядел выражения их лиц — только черноту и их грубую одежду. Прежде чем остальные успели сказать что-нибудь, я нажал на педали и помчался обратно в город. Только проехав несколько миль, я почувствовал, что страх наконец унялся.

По дороге к дому была спортивная площадка. Подъехав ближе, я увидел на поле группу больших парней в спортивных трусах: они сосредоточенно перекидывались мячом. Я въехал на пригорок, с которого хорошо было видно поле, и остановился. Я наблюдал за ними сверху. Это были белые парни, крупные и совсем взрослые — от шестнадцати до восемнадцати. Я раньше никогда не видел, как тренируются регбисты, и смотрел как зачарованный, совершенно позабыв о цвете кожи — их и своей.

Наконец один из них заметил меня и, указав пальцем, сказал:

— Смотрите, этот негренок следит за нами.

Мне вдруг захотелось стать невидимым. Я испугался. Сердце заколотилось, руки и ноги задрожали. Кое-как мне удалось влезть на велосипед и доехать до дому.

Первого белого, с которым я подружился, звали Джерри Шилд. На второй день после нашего знакомства он пригласил меня к себе. Он жил в квартире над лавкой, которую держали его родители. Все выглядело очень убого — дешевый ситец и линолеум. Никакой мягкой мебели, кроме дивана и одного стула с пухлым сиденьем; и то и другое в зияющих ранах, из которых вываливались внутренности. И еще — гигантское количество пивных темнокоричневых бутылок, наставленных на кухне и заднем крыльце. Несмотря на отно-

сительную чистоту, жилье внушало тоску. Джерри и его семья были бедными. Такой бедности я не видел ни в Канзасе, ни даже в Гарлеме. Отца Джерри не было дома. Но через несколько дней я увидел его. Я зашел за Джерри и позвал его снизу. На лестнице появился отец. В руке он держал бутылку пива. Увидев меня, он сказал:

— Нету Джерри, — повернулся и вошел в дом.

Несколько дней спустя я услышал звонок у нашей двери и взволнованный голос моей матери:

— Джерри, что случилось?

Джерри рыдал так, что с трудом мог говорить.

— Отец сказал, чтобы я не играл с тобой больше, потому что ты нам не ровня.

В Крестонской школе учились дети северной окраины Грэнд Рэпидса, все белые, из семей среднего класса. В первый день со мной никто не разговаривал. После занятий я нашел свой велосипед у забора, где я его оставил, а на ворсистом чехле сиденья увидел плевков. Люди проходили мимо, смотрели на меня и на этот плевков. В глазах у меня зашипало, но я не заплакал. Я просто вскочил на велосипед и доехал до дома, не садясь на седло. Это продолжалось недели две. На третий день я снял с седла чехол: кожу было гораздо легче отмывать.

Как-то раз веснушчатый, коротко стриженный мальчишка, сидевший рядом со мной, попросил у соседей карандаш. Потом он обернулся ко мне и сказал:

— Может, ты одолжишь мне карандаш?

Это было лучшее, что я услышал с тех пор, как познакомился с Джерри. Этот мальчишка во всеуслышание причислил меня к человеческой расе. Его звали Джек Уолц.

Некоторое время спустя, когда плевки прекратились и я мог ездить домой сидя, я заметил, что в конце футбольного поля ребята моего возраста играют в какую-то забавную игру с мячом. Мне было очень интересно, но я не был с ними знаком и не знал, как они ко мне отнесутся. Так я и проезжал мимо изо дня в день, замедляя ход у футбольного поля, мечтая расхрабриться и подойти к ним.

И вот однажды я увидел Джека Уолца среди играю-

чтобы доставить в очень старую школу в центре большого негритянского района. Я мало что запомнил из этих поездок, кроме чувства недовольства эгоизмом белых, которые никак не хотели пускать нас в школы поновее и поближе к нашему дому.

Мой отец вернулся домой, когда мне было четыре, и умер, когда мне исполнилось девять. Он считал, что женщины были недостаточно тверды со мной, и лупил меня той самой щеткой, с помощью которой бабушка пыталась укладывать мои волосы, чтобы они не торчали «как у ниггера».

После смерти отца мы переехали в Нью-Йорк и поселились в знаменитом районе Шугар Хилл, «Сахарный Холм». Бытовало мнение, что в этом районе роскошно живут негры, выбившиеся в люди. Улицы Гарлема были совсем рядом. На улицах ценились хитрость, жестокость и сила.

В начале 1943 года моя мать по служебным делам поехала в Грэнд Рэпидс, штат Мичиган, где она произнесла речь и познакомилась с сорокачетырехлетним холостым врачом, который выглядел совсем как белый. У него были светлая кожа, зеленые глаза и «хорошие волосы», то есть прямые волосы, которые лежали как у белых.

В октябре 1943 года моя мать вышла замуж за этого человека, и вскоре мы с бабушкой снова погрузились в поезд, чтобы переехать в наш новый дом в Грэнд Рэпидсе.

Этот же поезд навсегда увез меня, одиннадцатилетнего, из того состояния, когда я был в полном ладу с черным цветом моей кожи.

Мы поселились на северной окраине Грэнд Рэпидса, в абсолютно белом районе. Этому месту предстояло стать тем, что я буду считать своим домом. Здесь из обитателя Гарлема я превращусь в жителя Среднего Запада, стану более американцем, чем черным, и обрету больше комплексов, чем это нужно или удобно. Грэнд Рэпидс был милым местечком: семейные домики среди обильной зелени. Точно на страницах иллюстрированных журналов. Можно было поверить, как я и сделал, что внутри домиков царил счастье. Тогда мне казалось, что люди являлись частью домиков, так же как домики составляли часть пейзажа, и все это каким-то образом было связано с принадлежностью к белой расе. Белые держали себя — ходили, разговаривали — так, словно все вокруг — эти домики и вся страна — принадлежало только им. Я им завидовал.

Первые недели я провел, исследуя Грэнд Рэпидс верхом на новеньком велосипеде, подаренном мне отцом. Люди, которых я обгонял, оглядывались на меня с напряженным, иногда удивленным выражением на лицах.

Однажды я заехал далеко, катая вниз и вверх по улочкам. Мне начали встречаться негры. Черные мужчины и жен-

щих. Я встал недалеко от них и наблюдал за игрой. Казалось, целую вечность они играли, не замечая меня. В конце концов один из игравших ушел домой, и его нужно было кем-то заменить. «Давайте позовем его», — сказал один, кивнув на меня. Когда обе команды построились перед игрой, один из противников сказал: «У него, наверное, нож есть».

Наш капитан обратился ко мне: «Сможешь добежать с мячом до ворот?» Я сказал: «Смогу» — и получил мяч. Я пробежал три четверти поля до ворот и забил гол. Прежде чем кончилась игра, мне еще несколько раз удалось прорваться к воротам.

Когда вечером я вспоминал об этом, я был уверен, что отчасти своим успехом я был обязан тому воображаемому ножу. Но это уже не имело значения. К концу игры у меня были друзья. Энди, Дон, Билл, Джин и Рич. Мы вместе уходили с площадки, и кто-то помахал мне рукой и крикнул: «Приходи завтра, Por!»

А Дон Янг, приятный круглолицый парень, оказался моим соседом. Мы вместе дошли до угла, и, прежде чем попрощаться, он предложил встретиться утром, чтобы вместе идти в школу. Как мне хотелось этого! Но я боялся быть отвергнутым, переступив границы дозволенного для представителей моей расы. Как говорил один старый негр-комедиант: «Когда белый меня спрашивает, какая на улице погода, я сперва хорошенько погляжу ему в лицо, а уж потом выгляну в окошко». Так и я, ждал, когда Дон сам сделает это предложение. И мое терпение было вознаграждено. Я был счастлив и благодарен.

С моими белыми друзьями мы никогда не касались расового вопроса. Я носил цвет своей кожи словно открытую корзинку с тухлыми яйцами и понимал, что стоит мне уронить одно, и оно взорвется, распространяя зловоние. В те времена в кинофильмах негров не было вовсе или они появлялись в шаблонных, стереотипных ролях. В журналах не печаталось материалов о неграх, они никогда не фигурировали в рекламе. Создавалось впечатление, будто нас вообще не существует. Я знал, что мои белые друзья достаточно воспитан-

ны, чтобы не упоминать о моей неполноценности. И я был благодарен им. И в то же время меня преследовал страх, что однажды кто-нибудь может допустить бестактность и обратить внимание на то, что я собой являю.

Мне представлялось, что то зыбкое положение, которое я занимал в большом белом мире, целиком зависело от соблюдения мной и моими друзьями негласной договоренности: не замечать того, что отличало меня от них, моего позора и их собственного смущения. Мои друзья, казалось, так же воспринимали наши отношения. Это было очень хрупкое равновесие.

Сейчас, когда я пишу об этом, я съеживаюсь от стыда за себя. Но сегодня я понимаю того мальчишку, как он не мог понять себя в то время. Я был американским мальчишкой, хотя и этого я до конца не сознавал. Меня сформировала Америка, страна, в которой белые обладают всей властью, им принадлежит все. Их красота — это истинная красота, и другой не существует. У полноценного человека должны быть прямые волосы, тонкие губы, белое лицо. Все остальные, кто выглядит иначе, — низшие существа.

Неудивительно, что самыми достойными и красивыми неграми считались те, кто был больше похож на белых.

У нас, черных, есть поговорка: «Если ты белый — с тобой все в порядке. Если ты коричневый — можешь оставаться. Если ты черный — уходи». Я был коричневым.

Я не могу сказать, что наша семья была прямой жертвой расизма. Наоборот, мой отец зарабатывал больше, чем многие из родителей моих соучеников. У моих родителей были дипломы об окончании колледжа. В крохотной негритянской общине Грэнд Рэпидса мы принадлежали к элите, в которую еще входили адвокат, дантист, хозяин погребальной конторы и еще один врач.

Но вот что делало принадлежность к черной расе особенно мучительной: я видел несправедливость в том, что негры-бедняки должны довольствоваться черной работой (если она вообще им доставалась) и убогим жильем. Но я не чувствовал себя одним из них. Ведь черные бедняки в Гарлеме тоже были суровы и жестоки. Это они

отнимали у меня деньги, колотили меня и старались держать в постоянном страхе. Кроме того, у нас в доме я слышал разговоры, что их поведение и нравы оставляют желать лучшего. И я убеждал себя, что они, наверное, еще не созрели для этого общества... В отличие от меня. И со стороны белых это просто ужасно несправедливо считать меня неполноценным только за цвет моей кожи.

Я был примерным учеником, вожаком, и мне казалось, что я демонстрировал то, чего может добиться негр, если упразднить препятствия на его пути, дать ему шанс. Но где-то глубоко внутри, мне кажется, сидело другое желание — продемонстрировать, что я не такой, как остальные. Что я НЕ НИГЕР! Но мир, наверное, еще не был готов к тому, чтобы проводить такие тонкие грани. И именно это, хотя я себе в этом не признавался, и было для меня сутью расовой проблемы. Иногда я задавался вопросом: почему господь сыграл со мной такую злую шутку, создав меня негром? Это казалось какой-то ошибкой, несправедливостью по отношению ко мне. Именно ко мне.

Тем временем в школе я приобретал новых друзей, учителя хвалили меня. И по многу дней подряд я мог и не вспоминать, что я негр. Пока не возникало что-то, что делало это неизбежным.

Так, однажды на уроке истории учитель попросил всех по очереди рассказать о своем происхождении. О семейных корнях. Многие из класса с фамилиями вроде Ван дер Ягд или Рийстра происходили из Голландии, мой приятель Энди оказался ирландцем. Подошла моя очередь. Я встал, чувствуя, что сгораю от стыда. Когда я обрел способность говорить, я солгал. И после этой лжи я испытал еще больший стыд.

— По одной линии — мы англичане, — сказал я.

Ведь Уилкинс — английская фамилия.

— Родина предков по другой линии — Египет.

Египет!

В это же время я начал ощущать культурный разрыв между мной и моими черными сверстниками. Уличный диалект негритянского населения, обычаи, нравы, стиль и другие социальные атрибуты каждодневной негритянской

жизни развивались помимо меня. Я не умел разговаривать, отшучиваться, владеть своим телом, как другие молодые негры. И если в северном квартале я был мягким и отзывчивым, то со своими черными собратьями я весь напрягался, становился неловким, необщительным. Как-то раз я стоял около церкви, собираясь по настоянию моей матери познакомиться с кем-нибудь. Все вокруг переговаривались, сыпали шутками, смеялись. Я стоял словно в оцепенении, чувствуя себя неспособным принять участие в общем разговоре. Я просто мало понимал из того, что вокруг говорили.

Я редко чувствовал себя более одиноким, чем в тот день. Частично уже отвергнутый своими белыми друзьями, я был почти полностью оторван от своего народа. Но в белых кварталах я чувствовал себя гораздо спокойней, там, мне казалось, я был менее уязвим. Знакомое окружение помогало отгородиться от невзгод и огорчений.

А еще была проблема с девочками. Они были повсюду. Девочки из нашей школы, все белые, совершенно недоступные для меня, негра.

Есть вещи, которые узнаешь неизвестно откуда. Так, известно, что Миссисипи ассоциируется со злом и опасностью, что Нью-Йорк — это восток, а Тихоокеанское побережье — это запад. Таким же образом знаешь, что нет в мире ничего более желанного и таящего опасность, чем белые девушки. На Миссисипи негров линчевали только за то, что они не с тем выражением лица смотрели на белых женщин. Черные с ранних лет знают, что белые женщины властны и шикарны, как подобает хозяевам Америки. Но как же в нас сильна была ненависть к самим себе, если, увидев белую женщину с негром, мы тотчас говорили, что она дрянь, и делали вывод, что если она могла быть с ним, то пойдет с любым негром.

Как бы то ни было, но, когда мне было шестнадцать и семнадцать и я так хотел влюбиться, вокруг, кроме белых девушек, не было никого.

С моими приятелями мы обсуждали школьные дела, говорили о спорте, об их девушках. Я понимал, что меня воспринимают и хорошо ко мне относятся, покуда я

знаю, когда нужно отойти в сторонку, не быть там, где мне бывать не положено. Я мог участвовать в разговоре, когда они говорили о девушках, даже о «своих» девушках. Мне находилось место и в жизни самих девушек, когда они говорили о парнях, особенно о своих возлюбленных. Конечно, ведь я сам был юношей и мог дать им совет. Но я был негром и потому как бы существом бесполом. И девушка, которая мне виделась в ночных грезах, днем могла подойти ко мне, чтобы поговорить об Энди, Риче или Джине. Спросить, что тот думает о ней, любит ли он танцы и примет ли приглашение к ней на вечеринку. Она может поделиться своими опасениями и рассказать о своей любви, ни на секунду не допуская мысли, что я тоже могу любить и что она и есть предмет моей любви.

Наверное, ничто не занимает внимания юноши больше, чем предмет его первой любви. Для меня это была худенькая брюнетка, Мардж Макдоннел. Она была на класс младше и жила в маленьком доме на холме. Я постоянно находил предлог, чтобы проехать мимо него. Я знал расписание ее занятий, и мне почти всегда удавалось встретить ее в коридоре на перемене. Мы были знакомы, и однажды она мне призналась в сильном, но оказавшемся недолговечным чувстве к моему другу Ричу Киппену. Я не переставал думать о ней.

В конце концов однажды после уроков я встретил ее одну в коридоре.

— Мардж, можно спросить тебя об одной вещи? — торопливо начал я.

— Конечно, Роджер, — улыбаясь, ответила она. — Что случилось?

— Я хотел узнать, вернее, спросить... Не согласишься ли ты сходить со мной в кино?

Челюсть у нее отвалилась, глаза округлились. Потом она взвизгнула, повернулась и, прижав к груди свои книжки, убежала. В эту ночь и еще много ночей подряд я корчился в своей постели от стыда и обиды.

А в выпускном классе меня выбрали председателем Совета учеников Крестонской школы. Это было своего рода достижение.

Перевел с английского
Н. ХАЛИП

Я как каждый белый американец, по крайней мере, как каждый знакомый мне белый американец, расистка. В шестидесятых я стеснялась своего расизма и всячески пыталась от него избавиться. Впрочем, так поступали в то время многие молодые белые. Студенты-северяне ехали на

надцать лет. Сейчас, когда я вечерами сижу на балконе, я вижу мамин особняк на той стороне реки Купер. По средам я обедаю с мамой и сестрой в фешенебельном клубе, в который отродясь не принимали ни одного черного. Я так и не купила себе норковое мантио и лимузин, я хожу в джинсах, но у меня

Бланш Маккрэри БОЙД,
американская журналистка

НЕ БЕСПОКОЙСЯ, БЕЛАЯ ДЕВОЧКА

Юг на летние каникулы и участвовали в различных «программах сотрудничества с черными». Белые южане, вроде меня, восставали против своих тетушек и родителей. Иные даже рисковали жизнью. Единственное, чем рисковала я, — наследством.

Это было время лицемерия. Я помню, как сказала своей маме, что ненавижу ее норковое мантио и лимузин. Я презрительно заявила ей, что она капиталистка, причем в самом худшем варианте. Я сказала, что ее благополучие построено на костях черных рабов. Если черные слишком бедны, чтобы хорошо питаться, ведь это наша вина, не так ли? Это же наши предки устроили все подобным образом? Маме хватило здравого смысла оценить мои выступления как обычную юношескую дурь.

Потом я уехала с Юга и вернулась лишь через пят-

надцать лет. Сейчас, когда я вечерами сижу на балконе, я вижу мамин особняк на той стороне реки Купер. По средам я обедаю с мамой и сестрой в фешенебельном клубе, в который отродясь не принимали ни одного черного. Я так и не купила себе норковое мантио и лимузин, я хожу в джинсах, но у меня

есть собственный небольшой автомобиль, кредитная карточка и счет в банке. Расизм. Это слово звенит у меня в мозгу как колокол. Что случилось с моим комплексом вины, с моим пониманием истории, с моей социальной сознательностью? Что, черт побери, случилось со мной?

Возможно, мой расизм пассивен, даже стыдлив: меня по-прежнему шокируют его «узаконенные» проявления. Но то, что активный, сознательный расизм получил сейчас новую жизнь, это факт. Некоторые черные лидеры предполагают даже существование целого заговора.

Сегодняшний расизм — это уже не просто конфронтация Севера и Юга или белых и черных. В Сан-Диего вооруженные патрули правых отслеживают мексиканцев, эмигрантов из Вьетнама, тех,

что когда-то воевали на нашей стороне, травят собаками. В знаменитом «плавильном котле» Америки по-прежнему предпочитается белый цвет.

Вилли, черный плотник, что чинит мне крышу, сказал: «Сегодня это уже не гражданская война. Это расовая война». Я была шокирована, Вилли заметил это и одарил меня самой приветливой из своих улыбок.

Контакты между представителями разных рас в Чарлстоне — редкость, и Вилли один из немногих знакомых мне здесь черных. Иногда я забираюсь к нему на крышу, мы курим и беседуем. Он рассказывает мне, как воевал во Вьетнаме, как потом вместе с братом грабил магазинчики и заправочные станции, как курил наркотики. А что поделаешь, если Америка заставила его стать таким? К счастью, он нашел

в себе силы заняться нормальным трудом, он плотничает, и плотничает хорошо.

Вилли любит послушать мои рассказы о том, как десять лет назад меня арестовали в Вашингтоне во время антивоенной демонстрации. Когда полицейские заставили меня лечь лицом вниз на траву, я осторожно вытащила из кармана перочинный нож, чтобы меня не обвинили в ношении оружия. Мне было предъявлено обвинение в «нарушении движения транспорта», но мне нравилось считать себя свободомыслящей.

— Ты говоришь, расовая война, Вилли. Знаешь ли ты, что правые вооружаются? Они тоже считают, что настало время расовой войны. Они считают, это коммунисты ее развязывают.

У Вилли красивые руки и хорошая ироничная улыбка.

— А у черных оружия никогда не было, разве только у «Черных пантер». Но вы ведь знаете, кто их убивал? Не так ли?

Это расизм — предполагать, что плотник из маленького городка ничего не знает о сомнительной роли правительства в гибели Фреда Хэмптона, Рона Каренги, Виолы Лиуццо¹, что он ничего не знает о том, кто убил трех маленьких черных девочек, подложив бомбу в бирмингемскую церковь. Или ему неизвестно, кто преследовал Мартина Лютера Кинга?²

Вилли смотрит на меня с улыбкой.

— А мне известно одно очень умное слово: «ге-ноцид».

Благопристойные белые часто боятся и помыслить, что они расисты. Расизм белых южан — привычный повод для шуточек и гневных филиппик, но остальные-то, остальные?

Я выросла среди убежденных правых. Когда я училась в школе, я твердо верила,

что мы должны первыми напасть на русских. Я всюду видела коммунистический заговор. Моим героем был Барри Голдуотер¹. Как президента школьного совета, меня посылали на трехдневный антикоммунистический семинар. Все школьники обязательно должны были прочесть книгу Эдгара Гувера² о «коммунистическом заговоре». Я ночами не спала, продумывая варианты выживания, когда нападут русские.

Члены моей семьи не были такими уж твердолобыми расистами, но анекдоты про черных были у нас в ходу. Кто научил меня, что к черным не принято обращаться «мистер» или «сэр»? Кто внедрил в меня убеждение, что из черных получаются спортсмены, а не мыслители, что у черных превратные представления о добре и зле, что вне своих гетто они опасны? Никто меня напрямую этому не учил — я вдыхала эти уроки вместе с воздухом моей страны.

Однажды — это было в десятом классе — мы с моими двумя подругами ехали с танцев домой. Дело было ночью. Фары встречной машины ослепили подружку, сидевшую за рулем, и она задавила негра. Я выскочила из машины. Человек лежал на спине, изо рта и ушей у него текла кровь. Подъехала машина со взрослыми белыми, они помогли нам выбраться из машины и все говорили: «Не смотрите, девочки». Не смотреть? Это случилось — и не смотреть? Я не могла их понять.

Я сидела в машине взрослых и ждала полицию. Полицейские явились только через час. За это время вокруг тела собралась толпа черных — их было пятьдесят, шестьдесят, сто человек. Они стонали и плакали. Я никогда не слышала ничего подобного.

«Они не станут нас линчевать?» — испуганно спросила я. «Нет, детка», — успо-

коил меня кто-то из взрослых. Я осмелела: «Ведь это просто грязный ниггер, не так ли?» Ответа не последовало. «Я ненавижу негров», — прошептала я.

Приехали полицейские, они шутили, стараясь рассеять наши страхи. Приехал отец моей подружки, той, что сидела за рулем. Он сказал ей, чтоб она не плакала и что он купит ей новую машину.

Всю ночь я не могла заснуть. Как только я закрывала глаза, я видела машину и окровавленное лицо этого черного. Я задыхалась.

Я дура, думала я. Полная дура. Действительность пробила дыру в сознании белой девочки, и сквозь эту дыру истекало все, во что я прежде верила. Возможно, идеалы, которые отстаивали южане в гражданской войне, были фальшивы. Возможно, южане вообще монстры. Возможно, русские вообще не собираются на нас нападать...

Я вышла замуж. Мой муж тоже был южанином, но он учился в Массачусетском технологическом институте. Мы уехали в Бостон. Галлюцинации, мучившие меня со времени катастрофы, понемногу утихли.

Потом мы переехали в Калифорнию. В каждой из наших комнат были белые стены, белый ковер и белые занавеси. Я мечтала забыть прошлое. В Калифорнии, слава богу, я перестала постоянно мучиться мыслью о том, что я белая, — я просто перестала это замечать. Почти все мои знакомые и соседи были белыми.

Я записалась в «Группу обсуждения проблем расизма». Все занимавшиеся в группе были белыми, кроме нашего руководителя. Он сказал: «Эта группа для белых. Черным не до обсуждения, они слишком заняты. Они заняты выживанием. Вы можете считать меня своим белым негром, поскольку у меня есть степень доктора философии. Я могу говорить и как белый, и как черный».

На первом же обсуждении я разрыдалась. Мы говорили о книге Малькольма Икса¹, о том, что, как писал Малькольм Икс, в сознании белых

людей укрепились убеждения, что убийство черного или желтого вроде не такой грех, как убийство белого. Я вспомнила ту катастрофу.

После шести лет посещения «групп обсуждения» всяких проблем, доведя себя до полного истощения макробиотическими диетами и произнесением священного слова «Ом» и прочего, я ушла от мужа и переселилась в Вермонт, в коммуну. Калифорния мне осточертела. Я возомнила себя левой.

В этом районе было четыре коммуны. В одной из них женщины носили длинные юбки и сами пекли хлеб, мужчины обрабатывали землю и варили кленовый сироп. Рядом обреталась коммуна, состоявшая из отпрысков богатых семей. Они посвятили себя искусству и записывали песенки на дорогом оборудовании. Третья коммуна считала себя политически самой активной, они снимали амбар и практиковались там в стрельбе из пистолета.

В нашей коммуне была сауна, мы сидели в ней часами, потели и обсуждали разные умные вещи. Все «коммунары» были белыми. Вскоре и Вермонт мне надоел.

Я переехала в Нью-Йорк, полагая, что жизнь там «более реальна». Я продолжала заниматься политикой. Я участвовала в женском движении. Все мои знакомые женщины-освободительницы были такими же расистками, как калифорнийские гуманисты и вермонтские интеллектуалы. Я поняла, что наши попытки что-то изменить похожи на подкуп горы чайными ложечками. Поскольку я не могла перестать быть белой, я перестала быть политической активисткой.

В Нью-Йорке у меня была черная подруга. Ее звали Морин, ее родители были врачами, а муж — дипломатом. Морин сказала мне: «Африканцы вовсе не отсталые. Они просто другие!» Она повторила слово «другие» несколько раз, с разными интонациями, как будто для глухой.

Все вечеринки, на которые я ходила, были точь-в-точь такими, которые устраивала я сама: приглашалась пара чернокожих, чтоб присутствующие могли ощутить себя сверхнерасистами. Никакого контакта с негритянской культурой на самом деле не

¹ Члены организации «Черные пантеры». — Здесь и далее примеч. пер.

² Как выяснилось после убийства Мартина Лютера Кинга, Федеральное бюро расследований (ФБР) организовало за ним слежку, прослушивались его телефонные разговоры, в его доме были установлены подслушивающие устройства.

¹ Кандидат в президенты от республиканской партии на выборах в 1964 году, отличался крайне правыми взглядами.

² Джон Эдгар Гувер в бытность свою директором ФБР выступал как открытый сторонник репрессий в отношении прогрессивных лиц и организаций.

¹ Малькольм Икс — один из лидеров негритянского движения, руководитель организации «Афро-американское единство». Был убит в 1965 году.

было. Вечера у Морин отличались. Ее апартаменты были увешаны африканскими масками и рисунками, ее коллекция пластинок дала мне понять, какой на самом деле «белой» была моя коллекция. Большинство присутствующих были черными. Морин выручала меня как могла, но все же я чувствовала себя на ее приемах не в своей тарелке.

Морин рассмеялась, когда я ей об этом сказала. «Теперь ты понимаешь, как чувствуют себя черные на твоих приемах». — «Морин, а почему наши культуры не должны отличаться? Ведь наша история отличается от истории африканцев. В конце концов, мы принадлежим к разным этносам. Это важно». — «Да, важно. Проблема не в том. Проблема в систематических привилегиях и систематической дискриминации».

Все это я понимала. Но как я могла принимать свое прошлое и не принимать права и привилегии, которые оно мне давало? Поэтому я вернулась на Юг. По крайней мере, там расисты точно знали, что они расисты. Я полагала, что я другая. Ведь я так много узнала за эти годы!

Моя семья приняла меня с радостью, несмотря на мое «левое» прошлое и некоторую нынешнюю эксцентричность. В конце концов, нас связывала кровь и общая собственность. Эта собственность давала мне комфорт: удобный дом, ветер с моря, тень деревьев, знакомые лица, знакомые разговоры и шутки.

Мы сидим с Вилли на крыше. Смотрим на закат. «Какой сегодня жуткий цвет у солнца». — «Думаю, оно понравилось бы вам еще меньше, если б все было в черно-белом», — смеется Вилли. Почему-то напряжение исчезло, и мы оба чувствуем себя легко и хорошо.

— А может быть, сходим как-нибудь потанцуем? — говорит Вилли.

— Конечно! — восклицаю я слишком поспешно, и в голове моей проносятся белые лица родственников: город наш невелик.

Вилли смеется:

— Я просто дразнил вас, белая девочка, не беспокойтесь!

Что он прочел на моем лице?

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

Я ЗНАЮ

Джонас ГВАНГВА,
южноафриканский
музыкант

...Н аши ребята из «Амандлы» кажутся такими жизнерадостными, в них столько веселья... Они говорят: «Нам повезло — мы живы и на свободе. Мы настоящие счастливчики». Я-то знаю, как им тяжело. Они шесть лет назад покинули родину, и до сих пор неизвестно, удастся ли им туда вернуться. Шесть лет — это очень большой срок, я знаю. Я сам уехал из ЮАР более двадцати лет назад...

Меня тогда разыскивала полиция по обвинению в «подрывной деятельности»: я был активистом Африканского национального конгресса, а нашу партию тогда как раз объявили в ЮАР вне закона. Если б меня поймали... Ссылка в бантустан — это лучшее, на что я мог рассчитывать...

И в изгнании я не мог стоять в стороне от нашей борьбы. В качестве оружия я выбрал музыку. Сейчас объясню почему. К музыке я тянулся с самого детства, но в ЮАР черный почти не имеет шансов стать профессиональ-

ным музыкантом: музыкальные учебные заведения для нас недоступны. Я понимаю, почему расисты так устроили: ведь самовыражение человека в музыке — это какая-то степень свободы. А расисты хотят нас лишить всякой свободы. Когда я впервые услышал по радио джаз, я был просто поражен: это же надо — черный человек берет в руки инструмент и играет на нем так, что может выразить себя! Вот это свобода... Джаз казался мне одной из форм борьбы черных американцев.

Теперь вы, наверное, понимаете, почему, уехав из ЮАР, я решил поселиться в США. Именно там, думал я, центр мирового джаза, именно там я должен встретить людей, которые поддержат меня, помогут встать на путь борьбы. Я помнил слова, сказанные знаменитым саксофонистом Арчи Шеппом: «Джаз перестал быть чисто музыкальной формой. Его уже следует рассматривать с той точки зрения, что джаз борется за освобождение угнетенных».

Понимаете, я был тогда убежден, что джаз для освобождения Африки даже важнее, чем традиционная африканская музыка: ведь ее за пределами Африки мало кто знал, а вот джаз пользовался огромным успехом во всем мире, к голосу джазистов прислушивались.

Приехав в Штаты, я стал учиться играть на тромбоне, с головой окунулся в новую жизнь.

Но вскоре я стал замечать, что на самом деле все выглядит несколько иначе, чем я себе представлял. Для многих черных музыкантов джаз стал «чистой музыкой», а вся «борьба» заключалась в том, что они брали себе африканские имена, рядились на концертах в африканские одежды, играли на африканских инструментах. И на обложках их пластинок тоже всюду была Африка. Но от этого ровным счетом ничего не менялось. Они все восхищались: «Ах, Джон Колтрейн! Ведь то, что он играет, — это же самая настоящая африканская музыка!» Но это была только музыка.

Были среди джазменов и другие. Они искренне хотели бороться против расизма, но сами стали «черными расистами» — источником всех бед для них были белые. А я прекрасно знал, что в нашей партии — Африканском национальном конгрессе — вместе с чернокожими африканцами за свободу Юга Африки боролись и белые. Да и во всем мире, в том числе и в США, миллионы белых были солидарны с нашей борьбой.

Я был среди тех, кто понимал, что нельзя объявлять врагами Африки всех белых, что истоки наших бед гораздо глубже. Но оказалось, что сказать об этом в США так, чтобы тебя услышали, столь же трудно, как и в ЮАР.

Перелом наступил в 1976 году. Я узнал о том, что 16 июля полиция расстреляла мирную демонстрацию школьников в Соуэто. Я видел в газетах фотографии убитых детей. Я читал сообщения о волнениях, охвативших всю страну, о митингах, демонстрациях, о полицейских расправах. Там, в ЮАР, гибли мои друзья, мои товарищи по партии, а мне оставалось лишь кусать локти от гнева и сознания своего бессилия. Проведенные в Америке годы казались мне прожитыми впустую, я почувствовал себя предателем. Но что я мог сделать? Ведь о том, чтобы вернуться в ЮАР, не могло быть речи, а сидеть сложа руки я не мог. Это был для меня трудный период. Я искал настоящего дела. Все решилось в 1977 году.

На фестивале африканской культуры в Лагосе я познакомился с членами ансамбля политической песни «Майибуйи». Они эмигрировали из ЮАР и жили в Лондоне. Их песни рассказывали об апартеиде... Я принимал участие в некоторых выступлениях «Майибуйи» и по реакции публики видел, что наши песни достигали цели.

Там же, в Лагосе, я слушал на митингах выступления моих земляков, которые выехали из страны после восстания в Соуэто. Они сказали, что собираются создать свой ансамбль по примеру «Майибуйи», и пригласили меня стать его художественным руководителем. Я сразу согласился, потому что чувствовал: это дело.

Ансамбль мы назвали «Амандла». Это зулусское слово означает «Власть народу!».

Мы сразу же приступили к созданию программы, которую хотели показать в Гаване на фестивале молодежи и студентов. Тогда наша программа была весьма простой по форме. Впрочем, о форме мы вообще не думали. Мы просто хотели выплеснуть наружу то, что уже не могли удержать в себе, — нашу боль, наш гнев. В Гаване нас приняли великомерно.

После фестиваля мы решили разнообразить свою программу. Потому что мы поняли: перед нами стоят задачи и культурного характера.

Объясню. В последнее время все больше говорят о том, что африканской музыки в чистом виде вовсе уже не существует, что она утратила свою самобытность. В этом есть доля правды. Музыка, конечно, изменилась, но ведь изменилась и сама жизнь. В самые отдаленные уголки проникает цивилизация, а вместе с ней и новая музыка, новые инструменты. Но это лишь одна сторона проблемы. Музыка в Африке осталась той же, что и несколько веков назад, в том смысле, что она продолжает играть огромную роль в повседневной жизни людей. Представьте себе общество, не имеющее письменности. Как люди узнают о своем прошлом? Из песен. Издавна у всех африканских народов были люди, занимавшиеся тем, что запоминали и хранили в форме песен историю своего народа. Скажут, это было давно, теперь многие умеют читать и писать. Верно, да только нынешняя система образования в ЮАР построена так, что даже грамотные африканцы не могут узнать о своей настоящей истории, им пытаются вдолбить, что колонизаторы — ангелы-спасители, принесшие в Африку цивилизацию. А в народе сохранились песни, совсем по-другому рассказывающие о прошлом нашего народа. И мы стали их петь, и записывать на пластинки, и засыпать их нелегально на родину. Вот песня о борьбе с бурами:

Казни не испугают
И не остановят нас.
Мы будем сражаться

За нашу землю,
Нашу Южную Африку.
Объединяйтесь,
Братья африканцы!
Вместе мы победим их.
Неважно,
Сколько пройдет времени.
Победа ждет нас!
Крепитесь, угнетенные,
Сражайтесь,
Мы добьемся свободы.
Это народная война.
Это справедливая война,
Пусть трусы отойдут.
Пусть трусы отступят.

Разве эта песня о прошлом не звучит сегодня как призыв братья за оружие в борьбе за освобождение земли наших предков? Потому-то правящий режим ЮАР и стремится изолировать наш народ от его культурных основ. И еще потому, что наши песни по-прежнему отражают то, что больше всего нас волнует.

Понимаете, мы хотим показать, что искусство Южной Африки продолжает существовать, что культура наших предков не умерла, ее нельзя уничтожить. А значит, нельзя сломить и дух нашего народа, его волю к борьбе, к победе. Власти насаждают в стране племенную рознь, разжигают ненависть между народностями. А в ансамбле представители этих народностей работают бок о бок ради общей цели, показывают пример братства всех племен Южной Африки.

Нашу партию кое-кто пытается выдать за террористическую организацию, да и наш ансамбль называют группой террористов. А мы показываем, что АНК — это партия, созданная по воле народа и защищающая его интересы.

Наши песни мы пели во многих странах Африки, в Голландии, ФРГ, Западном Берлине, Скандинавских странах. И я, честно говоря, опасался, что европейская публика не будет воспринимать нашу музыку. Но опасения оказались напрасными. Ведь мы не просто коллектив танцоров или певцов, мы — представители борющегося народа Южной Африки, именно так нас и воспринимали.

И тогда я понял одну важную вещь. Все это время надо мной висел какой-то комплекс неполноценности, что ли. Когда я выбрал джаз, получилось, будто я умолчал, что я коренной африканец,

для того чтобы моя музыка была понятна большему числу людей. Нет, конечно, джаз — это и моя музыка. Но все же ближе для меня музыка моего народа. А получалось, что я как бы от нее отрекался. И вот теперь, видя, что ее воспринимают не хуже, чем другую, я почувствовал себя по-настоящему счастливым.

Поездки по Европе очень много нам дали. Во-первых, мы поверили в свои силы. Во-вторых, мы увидели, что не одиноки в своей борьбе. Расизм существует не только на Юге Африки, он — в США, в Европе. И растет число людей, борющихся с ним...

Знаете, я лично не люблю рок-музыку. То ли потому, что я для нее староват, то ли потому, что я все-таки начинал как джазовый музыкант. Но не могу не признать, что есть рок-музыканты, которые делают для нас очень многое. Возьмем движение «Рок против расизма». У его истоков стояли эмигрантские ансамбли из Африки и исполнители реггей, а теперь в нем все большее участие принимают белые музыканты. Они понимают, что расизм — это уродство и бороться с ним можно лишь объединенными усилиями. А благодаря огромной популярности рок-музыки к идеям борьбы против расового неравенства приобщается все больше молодежи. Это очень важно.

Мы выступаем по всему миру, и деньги от наших выступлений мы передаем в фонд АНК. А это настоящее дело — помогать партии, которая в подполье борется за свободу нашей страны.

Сейчас мы живем в Анголе. Но наступит день, когда мы сможем вернуться на родину и выступить перед своими соотечественниками. В свободном от апартеида обществе наша музыка будет играть большую роль: со свержением колониального гнета борьба не закончится. А значит, и «Амандла» будет продолжать бороться вместе со своим народом. На своей земле.

Это земля наших предков,
Предков наших вождей,
Вождей наших старейшин,
Старейшины — наши отцы.
Это наша земля.

Записал Л. ЗАХАРОВ

ИСКУССТВО ВЫЖИВАНИЯ

Паула АЛМКВИСТ,
западногерманская
журналистка

О музыке- и не только

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Время действия — лето 1982 года.

Тысячи человек в ФРГ стремились побывать на гастролях прославленной группы. Место действия — арены футбольных стадионов.

Следовательно, подавляющее большинство счастливых обладателей билетов увидело лишь крошечные фигурки на площадке. Из сочувствия к этому большинству репортеры журнала «Штерн», преодолевая всевозможные препятствия, добрались до самой знаменитой рок-группы. Итак, «Роллинг стоунз» крупным планом.

Его улыбка (при должном освещении) способна затмевать солнце. Причиной тому — бриллиант. Мик Джеггер носит бриллиант в верхнем зубе справа (медики называют этот зуб клыком). Ослепительная улыбка Мика служит своего рода искупле-

нием грехов. Мик пускает ее в ход, когда замечает по реакции собеседника, что опять разочаровал его своим ответом. Приходится отметить: солист группы «Роллинг стоунз» частенько использует свою улыбку сердцеда, которая, поднимаясь по лицу вверх, образует симпатичные морщинки по углам глаз, но никогда не захватывает самих глаз, холодноватых, темно-голубых,

Да, он действительно прекрасен и выразителен. Именно такой, каким я себе его и представляла. Торс танцовщика, вытrenированный до последней клеточки. Ноги, пожалуй, могли бы быть и подлиннее (даже бег трусцой, видимо, не помогает), и вообще сидя он кажется выше.

Мы сидим на кушетке в гардеробной A-1 Лондонской студии видеозаписи. Здесь снимается рекламный фильм

для нового альбома «Натюрморт». Мик уже загримирован, и, может быть, поэтому его попытки создать вокруг себя атмосферу дружеской непринужденности и милой непосредственности не очень-то удаются. На мои вопросы он отвечает как отличник устаревшего образца: барабанит наизусть, не задумываясь. О чем ни спроси — получишь такой ответ, что все довольны и никто не в обиде.

Разумеется, сей экс-бунтарь, некогда выступавший против войны во Вьетнаме, автор знаменитой песни «Уличный боец», считает наращивание атомных вооружений серьезной проблемой. Однако лично он больше не собирается затрагивать подобные проблемы в концертах, потому что «люди приходят к нам вовсе не для того, чтобы слушать про это».

На подмостках он радостно купается в лучах славы и любви своих почитателей. Но почему не растаяла под этим теплом та корочка льда, которую я ощущаю в разговоре с глазу на глаз? Даже вполне по-свойски кладя мне руку на плечо, Мик Джеггер остается таким снежным принцем. Его знаменитый чувственный рот вещает лишь прописные истины. Слова пахнут бумагой. И потрясают — насколько же можно быть далеким от жизни!

Вопрос: «Как тебе удается не терять контакта со зрителями? Откуда тебе знать, чем они живут? Ведь ты уже много лет ведешь жизнь миллионера. Вокруг тебя — вакуум. Секретари, телохранители, кто угодно, только не живые люди. Ну, например, когда ты в последний раз ездил в метро?»

Ответ: «Постой. Какая, собственно, связь между метро и знанием жизни? Просто, раз у человека нет денег, он едет на метро. Вот и все».

Лишь однажды я заставила Мика на мгновение задуматься. Я спросила, способен ли

он относиться критически к самому себе?

Итак, после паузы: «Это, видишь ли, уже из области химер. Хотя, разумеется, сам факт, что я испугался вопроса, кое о чем говорит... Но в конце концов, наверное, каждый человек имеет право на недостатки, не правда ли?»

И вот такой беседы, о которой и рассказать-то нечего, пришлось дожидаться четыре дня!

Отдел прессы компании «Роллинг стоунз» любезно предоставил журналу «Штерн» возможность встретиться с музыкантами во время репетиций перед европейским турне. Лишь нашему глубокоуважаемому изданию было дозволено лицезреть героев в натуральную величину.

Но в назначенный день, к сожалению, встреча не состоялась. Тогда еще мы были настроены благодушно и не расспрашивали о причинах.

На другой день шеф отдела прессы по имени Альвиния сочла, что мы как-то чересчур подавлены, а может быть, даже сердиты и что в таком настроении не следует являться перед светлые очи божества. Только настроившись на положительные эмоции, излучая добро умом и сердцем и отмыв все пятна с души, можно надеяться на непосредственный контакт со «Стоунз».

В гостинице перед зеркалом мы упражнялись в улыбках. Шире! Лучезарнее! Доброжелательней! Но и на третий день мы оказались недостаточно хороши. Я сама испортила дело. Свела на нет все достижения аутотренинга единственным невинным вопросом: «Что случилось? Может, какие-то проблемы возникли при подготовке к турне?»

По реакции Альвинии я поняла:

во-первых, задавая столь вредные, прямо-таки разлагающие вопросы, человек

уподобляется надоедливой мухе;

во-вторых, нет и не может быть никаких проблем у «Роллинг стоунз».

У Билла Уаймана нет никаких морщин. У Мика Джеггера нет никаких заскоков. «А что, если нет никаких «Роллинг стоунз»?» — подумала я.

День четвертый. Над Лондоном голубое небо. Ни облачка. Однако прогнозы, поступающие из личного секретариата Мика Джеггера, который пребывает в своем загородном замке, неутешительны. После обеда, когда главный «стоун» уже проснулся и готовился к традиционной «утренней» пробежке, Альвиния осмеливается туда позвонить. (Перед звонком она предусмотрительно принимает пару таблеток — антистрессовый витамин В, — они у нее всегда наготове!) «Скажите, пожалуйста, как он сегодня выглядит?» Именно от ответа на сей роковой вопрос зависит: будут или не будут на остаток дня запланированы — или не запланированы — деловые встречи.

Лондонское бюро «Роллинг стоунз» расположено в Челси, в одном из домов средней обшарпанности. Ковровые дорожки на лестницах вытоптаны, мебель, по-видимому, закуплена оптом на дешевой распродаже. Служащие бюро чуть ли не ежедневно перед началом работы посещают оздоровительные клубы, чтобы выглядеть молодо, то есть всегда оставаться в подобающем для предприятия «Роллинг стоунз» виде.

В пути «Перекасти-поле» подобно гигантской доильной машине. Менеджер Билл Грехэм, великий стратег в делах коммерции, окрестил европейское турне операцией «Ганнибал». Для поездки выделено 32 грузовых автомобиля и две сборные сценические площадки. Любители музыки, помимо билетов на концерты, закупают пластинки. Славно позвякивающие или нежно шуршащие ручейки из их карманов будут выдоены соответствующими майками, заколками, значками и булавками. В истине неслыханных количествах.

Впрочем, довольно о низких материях.

Наши агрессивные биотопки, по-видимому, все же проникли в святая святых. На

исходе четвертого дня ожидания (точнее, в первом часу ночи) в номере гостиницы раздался телефонный звонок. Дальше как в детективе: «Будьте наготове. За вами заедут. Машина светлая, без особых примет. На ней вас доставят в интересующее вас место».

В машине без особых примет мы проехали около получаса и оказались, по нашим расчетам, в южных кварталах города. Альвиния, разумеется, уже была там и первым делом конфисковала всю нашу фотоаппаратуру. В виде напутствия она намекнула, что того, кто посмеет приблизиться к Кейту Ричарду (!), — нет, не застрелят на месте, — попросят выйти вон! В это время Марлон, двенадцатилетний сын Ричарда, беспечно играет папиным револьвером... Да еще этот тип перед стальной дверью! Лицо телохранителя не только покрыто безобразными шрамами, его отличает специфическое выражение. Вернее, отсутствие всякого выражения. По-моему, у любого психолога, определяющего профессиональные способности людей, Джой Сибрук получил бы нулевой результат. Его коротковатые джинсы вздымаются на могучих бедрах. Куртка не в состоянии скрыть наплывы над ремнем. Круглая голова острижена очень коротко. Толстые пальцы с широчеными ногтями не вынимаются изо рта. «Мы зовем Джоя ягненком, — нежно проворковала Альвиния. — Он ни с кем никогда не ссорится». Еще бы!

К счастью, «ягненок» отвернулся. Значит, нам можно пройти.

В неоновом свете грязно-желтого павильона музицируют пятеро немолодых мужчин. С ними рядом стоит какой-то человек в халате санитар. Оказывается, санитар не кто иной, как Чарли Уотс, который уже совсем скоро сможет отпраздновать золотую свадьбу со своим барабаном. Подросток с розовой ленточкой в волосах — дочка Уотса, которую отпустили из пансиона (где-то на природе), чтобы она могла посмотреть, как папа репетирует.

Вторая фигура патриаршего вида — Ян Стюарт. Подобно добродушному концертмейстеру старинного танцкласса, он опускает свое

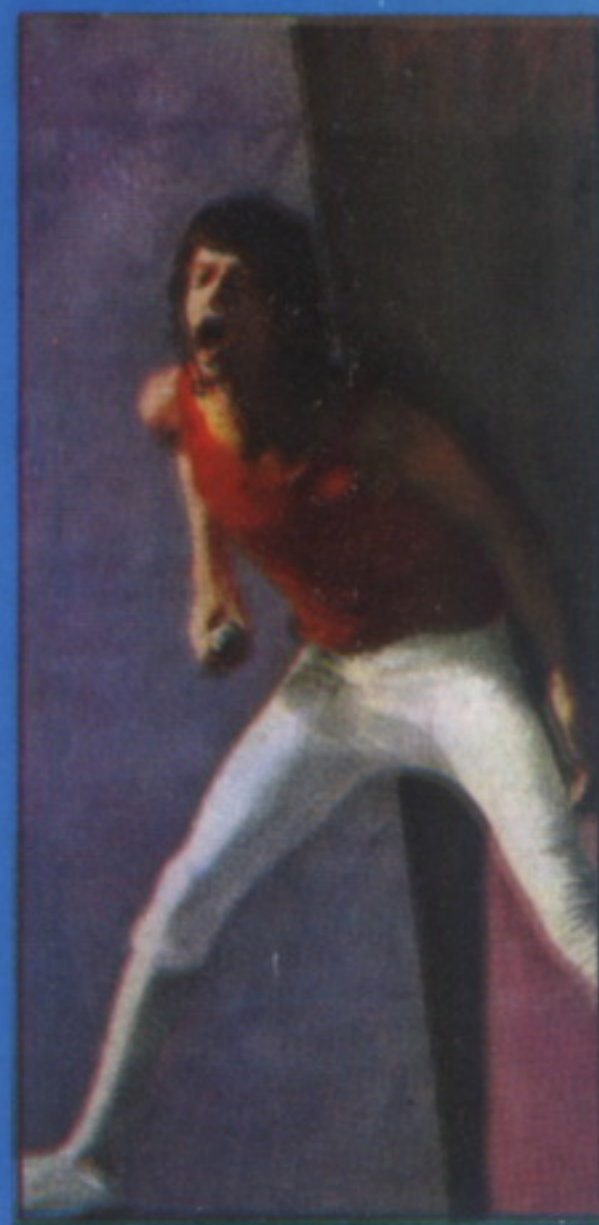
объемистое сиденье то на пластиковую кухонную табуретку перед роялем, то на изящную банкетку из полированного орехового дерева, обтянутую гобеленом, которая стоит перед органом.

Собственно, «Роллинг стоунз», обожаемые, боготворимые, те четверо, которые работают стоя. Постоянно окруженные лучами юпитеров, превратившихся за последние 20 лет в некое подобие нимба. Он — этот свет — и обрек избранных на вечную молодость. И на существование в качестве презренных богачей.

Любой поклонник группы, я думаю, знает, что певец Мик Джеггер, басист Билл Уайман, ударник Чарли Уотс, гитаристы Кейт Ричард и Ронни Вуд по своей основной специальности — миллионеры. Держатели акций. Владельцы замков в Англии. Спасаются от уплаты налогов в прочих своих владениях — в Карибском море и на Лазурном берегу. Надеюсь также, обожатели «стоунов» догадываются, что флотилия «мерседесов» у подъезда и изготовленный по спецзаказу «бентли» принадлежат не осветителям. И не двум настраивщикам гитар, которые, как собачки на задних лапках, торчат за кулисами, в любую секунду готовые по первому знаку своих хозяев подать инструмент. Но стоит только «стоунам» в сопровождении истерических воплей и рукоплесканий бушующей толпы запрыгать по сцене — и они уже мстители за всех несчастных и обездоленных!

Наши герои — по вполне понятным причинам — предпочитают экипировку заклятых врагов капитализма. В лохмотьях, будто взятых напрокат из коллекции старья, в майках с темными пятнами пота. Но, клянусь, я своими глазами видел два дня назад, как костюмерша поливала Мика Джеггера искусственным потом из аэрозоли! Именно таким способом элегантная рубашка рафинированной суперзвезды приобретала достаточно пролетарский вид!

Мик тогда позволил себе маленькую шутку. Он поднял правую руку и подставил дивно благоухающую, продезодорированную подмышку под струю искусственного пота. Две дюжины приближенных, только что в почтительном

молчании стоявшие вокруг него, захохотали с таким воодушевлением, с каким, наверное, придворные Короля-Солнца встречали излюбленную монаршую шутку (а король Людовик XIV, уж извините, любил развлекаться тем, что портил воздух).

Но какое все это имеет значение? Ведь каждый раз, когда «Роллинг стоунз» покидают свои частные владения и отправляются под защитой телохранителей в очередное турне, то, уж будьте уверены, найдется чему подивиться! И дело не только в том, что,

скажем, «Удовлетворение» они исполняют сегодня с такой же страстью, как и в 1965 году. Джеггер, Ричард, Вуд и Уайман на сцене олицетворяют самых современных героев дня, излюбленные типы массовой молодежной культуры.

Мик Джеггер сегодня выглядит как поппер¹. В габардиновых брюках со складочками. В бело-голубой полосатой рубашке для гольфа. Его движения во время репетиции предельно эстетичны и экономны — как будто он ни на секунду не забывает, сколько стоит его страховка. Там, где в концерте намечается дьявольский прыжок в шпагат, на репетиции он лишь слегка подпрыгивает, оттянув мысочки белых теннисных туфель.

Баночное пиво — Мик уже давно объявил себя его приверженцем — сохранилось в палитре суперзвезды. Как и некоторые другие стимуляторы. А вот «демократические» выпады, характерные для поры расцвета рок-н-ролла, с шампанским для всех «сопровождающих лиц» канули в Лету вместе с дешевыми номерами в отелях и скандальными происшествиями в общественных местах. «Роллинг стоунз» образумились. Они вовремя сумели превратиться в серьезных деловых людей, даже если внешний облик и декларирует противоположное.

¹ О попперах «Ровесник» писал в № 12 за 1981 год. — Примеч. ред.

Вот, например, Ронни Вуд. Он работает под панка. Остроносенькие ботинки. Спина колесом. Подвижная физиономия под черными космами легко собирается и растягивается в уморительные клоунские гримасы. В обносках с головы до пят, миллионер Вуд производит впечатление человека, которому никто не сдаст комнату, не потребовав плату за три месяца вперед. Джоан, спутница жизни Вуда и мать его двоих детей, разъезжает, как и все дамы «стоунов», в лимузине с личным шофером. И правильно делает: потому что при виде Джоан, едва прикрывающей крошечное тельце обрывками тканей, с вытравленными перекисью клочками волос на голове (ужасно похоже на кисточки для бритья!), любой работник социального обеспечения почувствует жгучее желание помочь бедняжке и всучит ей адрес приюта для бездомных.

Рок-звезда Кейт Ричард остается верен своей легенде. Поклонникам это нравится. Что написано на его майке? Ну конечно же: «...» (Непечатно. — Примеч. пер.) Между прочим, тело Кейта служит теперь пропагандистским целям. Менеджеры и деятели от рекламы ныне потирают руки от удовольствия, когда Кейт снимает куртку. Потому что, леди и джентльмены, смотрите и убеждайтесь — кожа Кейта чиста! Пусть его руки несколько пообрюзгли, но даже его величество телеобъектив не найдет на них следов от уколов шприца. Один из крупнейших некогда потребителей героина начал новую жизнь. И если в нынешние времена Кейт по-прежнему не отличается пунктуальностью — на репетицию в студии он опоздал всего лишь на три дня, — то менеджеры все же не терзаются подозрениями: турне в любом случае не сорвется.

Музыкальный фаворит из конюшен фирмы «Роллинг стоунз инкорпорейшн» и по сей день окружен самым ярким ореолом. Кейт Ричард — воплощенный рок. Кейт Ричард — прирожденный античистоплюй, которому наплевать и на то, что он, видимо, никогда не войдет в тот возраст, на который выглядит. Черные кожаные штаны смялись плиссированной гармошкой на старчески тощих ногах. Черная с серебром грива.

Черным отмечены веки на рельефной карте лица. Что ж, по крайней мере, можно отыскать глаза. С близкого расстояния взгляд Кейта Ричарда кажется неожиданно кротким и ранимым. Самое дурное и, как ни странно, самое доброе можно увидеть, вглядываясь в это лицо — минное поле страстей человеческих. Пиратом называет своего коллегу Билл Уайман.

В наилегчайшем весе — Билл Уайман. Все время репетиции он простоял не шелохнувшись. Как памятник безымянному школьнику. Спит он, что ли, стоя? Нет, подвижные руки работают исправно, безошибочно цапают басовые струны. Не хватает только щелочки в голове, а то вполне сошел бы за гипсового мальчика — они во множестве расставлены на всех английских улицах, где сосредоточены магазины, и со стоическим выражением лица просят пожертвовать пенни на нужды слепцов.

В частной жизни Билл Уайман отнюдь не отличается британской твердокаменностью. Его загоревшее под солнцем Ривьеры лицо освещает улыбка счастливчика, которому везет в лотерее. Именно таким и ощущает себя этот маленький шуплый человек с иссиня-черными волосами — «Да, крашенные!» — вот уже двадцать лет. Уайман выходец из беднейших слоев: «Мой отец был каменщиком, у нас даже своего клозета не было». Билл начинал младшим служащим в бюро. Старался изо всех сил. Пока не открыл, к собственному удивлению, что при помощи хобби может добиться известности и богатства.

Взяв в руки бас-гитару, он давно уже отгадал шесть раз по шесть в лотерее жизни. Папа, бывший каменщик, вместе с мамой живет теперь в сторожке у ворот принадлежащего Биллу замка Геддинг-Холл. Как старший дворник. Потрясая винтовкой, папа гоняет чересчур назойливых почитателей таланта «Роллинг стоунз».

Геддинг-Холл, построенный в 1490 году каким-то английским аристократом, вы найдете в любом туристском справочнике. Биллу это по душе. Девиз Уаймана: «Никогда больше в бедняках!» Те, кто побывал у него в гостях, будь то Геддинг-Холл, или его сельское име-

ние в Швеции, или вилла на юге Франции, — все единодушно отмечают, что в комнатах чересчур жарко. «Это потому, — объясняет Билл, — что в детстве я всегда ужасно мерз. У нас был омерзительно холодный пол».

Билл Уайман радует мое сердце разговорчивостью и искренне радуется сам — ему удалось вырваться из нищеты. Единственное, что порой омрачает его невинный восторг от собственного богатства, — печать плебейства. Компаньоны «стоунов» периодически тыкают его носом в неумение шикарно жить. Для них Уайман был и остается мелочным конторщиком. И вот почему. Каждое утро Билл записывает в дневник события прошедшего дня. Он бережно сохраняет в архивах каждый клочок «стоуновской истории». Он мечтает когда-нибудь открыть настоящий музей «Роллинг стоунз». И еще: «Мик, например, не понимает, как это я до сих пор сам упаковываю свои чемоданы!» Ему нравится действительность, которая каждый день вновь и вновь подтверждает: за всю оставшуюся жизнь он не сумеет — ну просто не сможет — стать бедняком.

В самом деле, бедность не грозит ни одному из них. За осеннее трехмесячное турне по Америке группа получила чистой прибыли 13,2 миллиона долларов. Летом «обкачивается» Европа. Гонорар на парочку миллионов поболее. Конъюнктурные соображения менеджеров: не помешал бы, дескать, чемпионат мира по футболу или гастроли знаменитого дуэта Саймон и Гарфункель — вызывают у «стоунов» снисходительную усмешку.

Кто может соперничать с ними?

Концерты «стоунов» не просто музыка и не только развлекалочка. Посудите сами: прочие идолы, сверстники наших героев, либо мертвы, либо навек замолкли. Забыты. Растоптаны. Обуржуазились. И только «Роллинг стоунз» режут со сцены как последние динозавры бурных шестидесятых.

На их примере и вместе с ними торжествует, как минимум, одно искусство — искусство выживания.

Перевела с немецкого
Г. ЛЕОНОВА

ЖИЗНЬ СВОЕ БЕРЕТ...

...Потому что сделать-то все равно ничего нельзя: ни вперед, ни назад из автомобильной пробки не пробиться. Так к чему волноваться?

Эти варианты «пробочного времяпрепровождения» подсмотрел фотокорреспондент журнала «Штерн» в Мехико. У фоторассказа есть своя мораль: время всегда можно тратить с пользой.

«ПЕРВЫЙ ТАЙМ МЫ УЖЕ ОТЫГРАЛИ...»

Добиться успеха на эстраде Хулио Иглесиасу помог футбол. Потому что каждому было интересно послушать, как поет бывший вратарь мадридского «Реала». Сначала на его концерты ходили просто из любопытства, но со временем стало ясно, что Иглесиас прекрасно «берет» не только верхние мячи, но и ноты. И сейчас он один из самых популярных в Европе певцов.

Пример Иглесиаса вдохновил две сборные — английскую и шотландскую. Накануне чемпионата мира по футболу они выпустили пластинки с записями песен в собственном исполнении. Шотландцы пели «У нас есть мечта», англичане — «На этот раз мы не подкачаем». Как известно, шотландцам свою мечту осуществить не удалось, англичане и на этот раз подкачали... А что, если всем не пробившимся в финал сборным выпустить по пластинке, на которых в столь же доступной форме футболисты объясняли бы причины своих неудач? Болельщикам это, наверное, было бы интересно, так что по крайней мере пластинкам успех гарантирован.

ПРАВДА ПО РОБИ

Лейтенант американской полиции Джеймс Роби решил «революционизировать» работу следователя: стал допрашивать свидетелей под гипнозом. Как считает Роби, в этом состоянии свидетель «раскрепощается» и легко может сообщить нужные сведения. Опыт Роби решено было внедрить в масштабах всей страны. В некоторых полицейских участках США уже действуют специальные курсы (один из сеансов гипноза запечатлен на снимке). Правда, некоторые «ретрограды» выступили с протестом, называя опрос свидетелей под гипнозом грубым нарушением прав человека. Другие считают, что гипнотизировать должны только специалисты. А сами специалисты того мнения, что принимать на веру показания, данные под гипнозом, нельзя. В таком состоянии, говорят они, человек может нагородить что угодно. Один из свидетелей, кстати, уже «раскололся»: оказывается, он собственными глазами видел, как в Нью-Йорке высадились русские парашютисты!

ДЛЯ ВАС, НЕВЕЗУЧИЕ. Во Франкфурте-на-Майне существует клуб недотеп. Его члены прославились своими неудачами в частной жизни и на работе. Почетным членом клуба является американский железнодорожный конструктор Френсис Уэбб. Он сконструировал локомотив, который теоретически мог двигаться в обоих направлениях одновременно (!). Энергичный изобретатель добился реализации своей идеи, но на практике стальной красавец отказался двигаться вовсе. К нему пришлось прицепить другой — обычный — локомотив, чтобы оттащить чудо техники на переплавку. В элиту растяп входят и зодчие, воздвигшие во Франкфурте театр «Альте Опер». Акустика зала позволила зрителям слушать, что творится в буфетах, в фойе, в гардеробе. Система кондиционеров работает плохо, но громко. И наконец, публика партера «из положения сидя» имеет возможность видеть исполнителей примерно по пояс.

ПОБЛИЖЕ К ЗЕМЛЕ

Дома, подобные тому, который вы видите на снимке, уже много веков строят в Африке. Эти постройки из земли идеально приспособлены для жаркого тропического климата. Но ведь жарко не только в Африке. Вот и американские строители думают сейчас над тем, как использовать опыт африканских коллег в южных районах США. Вопрос находится в стадии обсуждения: новое, как всегда, рождается в муках. А пока продолжают строить по старинке — из стекла и бетона.

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ «КАЛИПСО»

Жак-Ив Кусто, известный французский исследователь океанских глубин, теперь решил изучить бассейн реки Амазонки. Судну «Калипсо» предстоит пройти по этой крупнейшей водной артерии мира 6,5 тысячи километров. Амазония — одна из самых богатых и малоизученных экологических систем нашей планеты, и экспедиция Кусто займется исследованием редких, нигде более не встречающихся представителей животного мира. Внимание ученых прежде всего привлекает так называемая «проникающая» рыба, которая способна пересекать по суше значительные расстояния и «переходить» из одной реки в другую, «слепые» дельфины, живущие только в Амазонке, а также злобные маленькие рыбки пирании.

СПОЕМТЕ, ДРУЗЬЯ!

Песня, ноты которой вы видите вверху, создана композитором, фотографию которого вы также здесь видите. Это кит-горбач, млекопитающее семейства полосатиков. Как считают американские ученые, «песни» служат многим целям. С их помощью киты общаются, с их помощью завоевывают себе подруг: дама отдает свою руку (простите, плавник) тому, кто проявил себя не только как боец, но и как менестрель. У каждого стада своя мелодия, но, как считают ученые, в последнее время горбачи стали халтурить: раньше они меняли ее каждые год-два, теперь — раз в три-четыре года. Наверное, киты столкнулись с той же проблемой, что и их старшие по разуму коллеги: мир переполнен мелодиями, и все труднее придумать новые.

ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ

Как сообщает журнал «Эуропео», в Италии успешно развивается еще одна довольно редкая область «подпольного» бизнеса — кража останков ископаемых животных.

Музеи Италии испытывают серьезные финансовые трудности и не имеют возможности организовать эффективную охрану палеонтологических ценностей. Поэтому воры чувствуют себя в полной безопасности. Украденные скелеты они сбывают (как целиком, так и по частям) в музеи других стран, главным образом в США, или богатым коллекционерам.

На снимке: швейцарский «палеонтолог» Кирби Сиббер с украденным динозавром, стоимость которого 200 миллионов лир.

1. ...все, все продумать до самой последней глубины, все линии характеров провести в размышлениях до конца, свести к начальной точке, характеры определить для себя кратко и емко, увидеть мизансцены, почувствовать общее впечатление, еще невыразимое словами, еще предчувствие спектакля, а не спектакль, носить в себе неизбывный страх за актеров, смогут ли? в мыслях все проверять их и проверять, проигрывать ими то ту сцену, то эту, зная заранее, что сомнения разрешаются не в мыслях, а в работе, и вновь читать то, что надо будет воплотить в ближайшие два месяца, — Толстого, Гоголя или Чехова, читать и думать, думать, думать...

Но американский театр — это же совсем иное, это же совсем чужое, это же атмосфера иная! У нас театр — семья, все друг друга знают, все друг друга любят, все друг о друге сплетничают, узел отношений, клубок интересов, бывают и скандалы, но — семейные. У них же там — семей театральных нет, уюта нет, все жестко, все голо, контракт из 34 пунктов подписал — и будь здоров, работай как знаешь. Актер завербует в этот театр на год, потом уедет за тысячу миль в другой — какая уж тут семья, какая атмосфера, актеры у них не бродячие, но разъездные. У нас театр — гнездышко, у них — дорога.

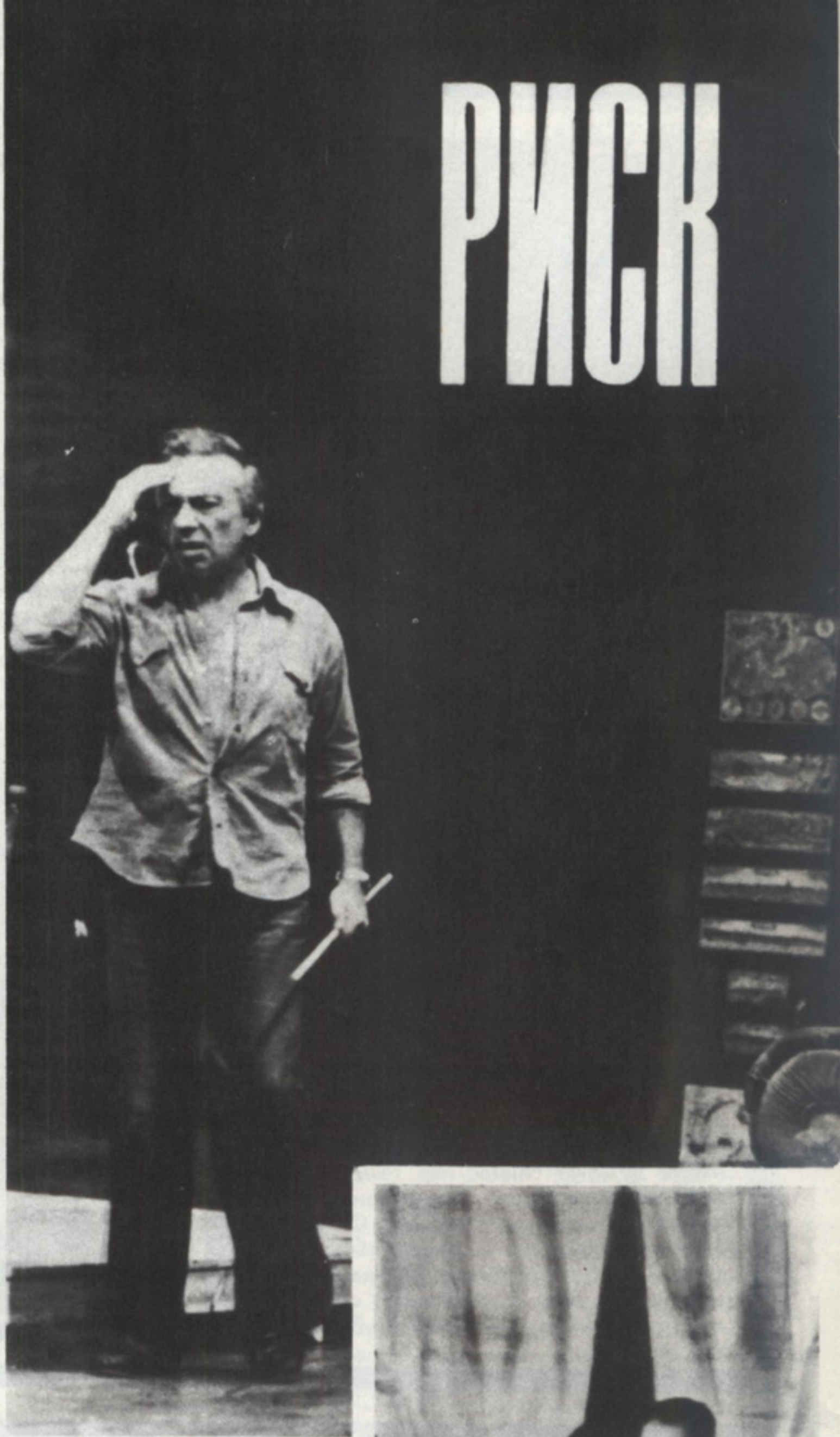
Это про американский театр, что ж тогда сказать про японский? Там другая крайность: кастовый театр, театр Но, театр Кабуки, там все жесты отмерены еще в семнадцатом веке, там не спектакль, а церемония, там актерские труппы замкнуты, как тайные секты... И хоть не в таком точно театре придется ставить, все же не может не оказывать традиционный театр влияния на любой другой в Японии, да и актеры-японцы — это ведь что такое за люди? Японка-Раневская, как это будет?

Страх (искусство — риск), такой страх, что по ночам вскакивал он и писал в тетрадку, чтобы страх свой бумаге отдать, чтобы из себя его выплеснуть. Ну, актеры — другие, площадки — другие, жизнь у людей, в конце концов,

совсем другая... И ничего не известно, ничего — ни какие там люди попадутся, ни какой у них ритм работ, ни какие они на репетицию приходят, ни как они репетировать привыкли, ни какие они работники, в конце концов...

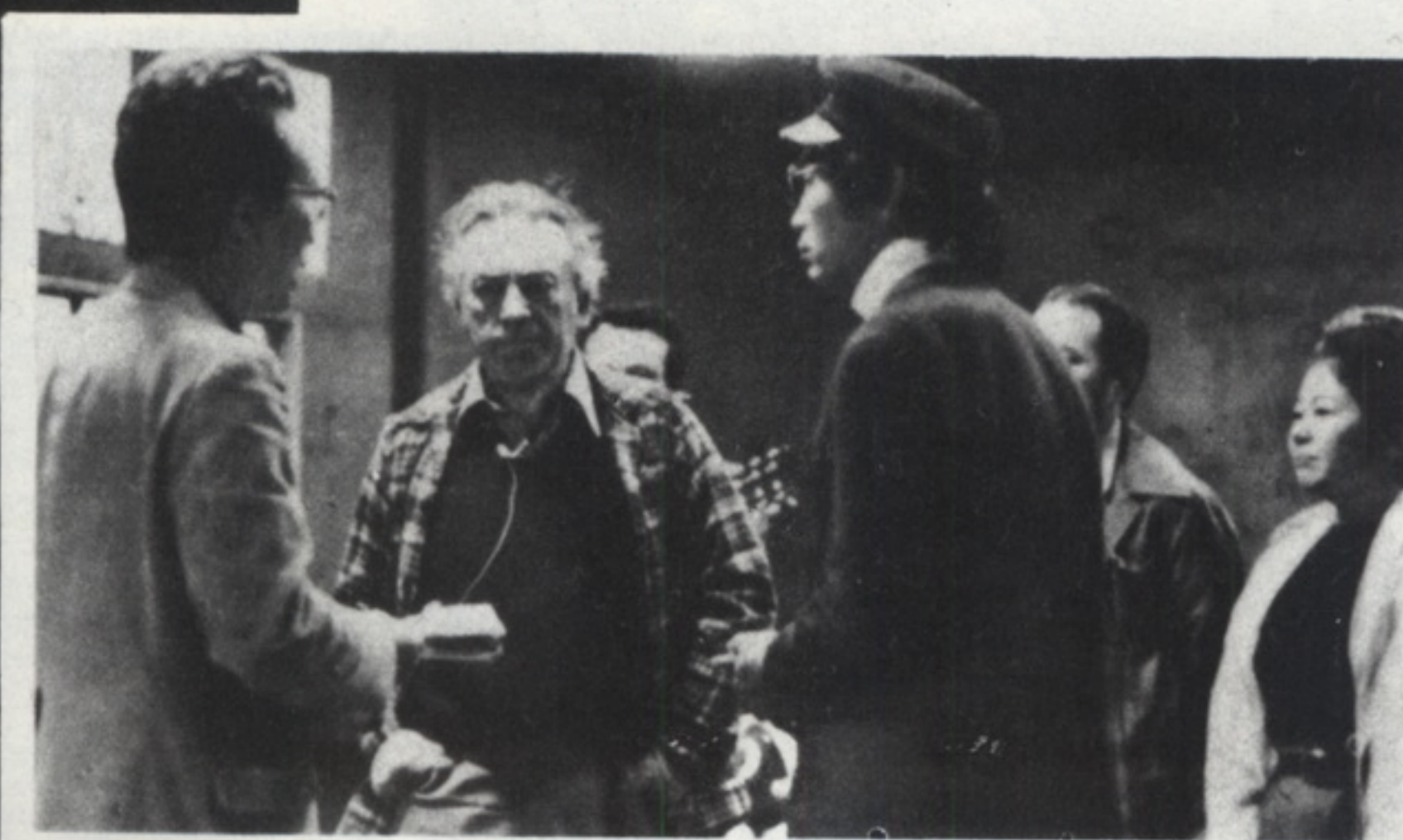
Но ведь это только первый страх, а есть еще другой — за Гоголя и Чехова страх, как там люди, поймут ли? Что японцу история сада, который вырубить хотели, что японцу непутевые женщины, целующие шкафчик, засыпающие стоя, — экзотика? африканские страсти? Ну а Гоголь с Америкой — как сойдутся? Это только представить себе — «Женитьба», русский абсурд, нелепица чисто русская — перед американцами, которые, как известно, деловые люди, мозги у всех инженерные. Гоголь — ведь это нечто такое наше — квинтэссенция России, русской жизни и русской души, с течениями ее подводными и противозаконными. Думают, «Женитьба» — шутка, как бы не так, хороша шутка, почти внимательно, и жить не захочешь, и выть захочешь — от несбыточности счастья, от быта, от людей, тупых, как горшки печные, и фамилии у них — господа, упаси! — яичница, земляника... Желудки ходячие. Нет, «Женитьба» не шутка, то есть шутка на гоголевский лад, для дураков — смешно, для умных и тошно и грустно, и поставить это надо как бы через призму драматического видения, «ошинелить» «Женитьбу», что ли... Это поймут они там, в Миннеаполисе, в городе, о котором ничего не известно, кроме названия, да и оно почему-то греческое.

Писать все это, писать, страхи свои писать! И вот ночь, Москва, в ночь впаяно желтое окошко, за ним — он, со сна взлохмаченный и босой, летает ручка по бумаге, а на равном удалении в двадцать тысяч миль от окошка налево — Америка, направо — Япония, и в небесах ночных — туманный, как диск луны, плывет лик Николай Васильевича Гоголя, с длинным носом, с косой челкой, с глазами непонятного выражения... ползут по ветреному небу тучи, вытянувшиеся как нити, ползут, и исчезает видение.

2. Наутро он приходит на репетицию во МХАТ, где ставит «Живой труп», в одиннадцать утра садится за столик с графином и стаканом. Актеры ходят по просторной комнате, половина которой отгорожена серой ширмой, говор их звучит бойко, как птичье пенье в весенний день. В высокие окна льется свет. Он сидит, ждет терпеливо, весь облик его, с седым хохлом над лбом, с добродушными короткими кустистыми бровями, исполнен терпения, словно бы он пришел в класс, где резвятся дети, и вот ждет, пока сами собой, в благожелательном излучении, от него исходя-

тасова, и князь Сергей Дмитрич...

...ни во что не вмешиваясь, так что теряешь терпение: когда же он работать начнет? Когда же он объяснит актрисе, что нельзя так картинно вздыхать, когда же он остановит актера, который, играя волнение, такими огромными шагами входит, что впору предположить, будто он в порыве страсти так через всю Европу неся? Но он смотрит, смотрит, на стуле не сидит, но лежит, вытянув ноги, одну руку подсунув под себя, другой вдруг, выставив палец, снимает соринку с глаза, и опять смотрит — изучает, обдумывает...

И после паузы в полчаса, когда он молчал, а актеры играли вволю, он вдруг прямо из того состояния внутреннего созерцания, в котором был, выпрыгивает, врывается на сцену, падает в тонко сплетенную жизнь, как метеорит на склад фарфора — треск, звяк, дым, жар, — и с места в карьер объясняет с напором, не дав им даже доиграть сцену до конца. Объясняет не то, что делать, где стоять, как ходить, как вздыхать, а — что чувствовать. Но актеру это кажется скучным, так произносить этот длинный монолог, он не понимает чего-то во внутренней механике роли.

«Отойдите, пожалуйста. Вот смотрите». Он убирает актера из сцены, актриса бросает ему реплику, и из него вылетает, как по нажатию кнопки, страстный монолог. Монолог Виктора? Да, но слова совсем другие, не толстовские, Эфрос говорит что-

то свое, и вместе с тем это как раз то, что чувствует Виктор Каренин. Он освобождает чувство от условностей этой сцены, переводит его в другую сцену и в другое время, произносит монолог про себя и от себя — как прекрасно, как чудесно делается на душе, когда вдруг как внутренним светом освещается этот трудный монолог, теплым светом разумного чувства, какое удивление от этого простого хода и как неожиданно приятно почувствовать себя болваном перед этим человеком, которому с такой легкостью даются такие точные решения!

Но сцена прервана, с досадой интеллигентных людей Эфрос и актеры слушают, как за ширмой, с разговорами и грохотом, тащат что-то деревянное рабочее, молодые люди с артистическими бородами.

3. Будучи посредником между Гоголем и Америкой, он не мог не подумать о том, как, каким путем сблизить два этих континента, два этих массива человеческих. О чем ставить «Женитьбу»? — спрашивал он себя, и вопрос этот вовсе не праздный, ибо одну и ту же пьесу можно поставить по-разному.

На первой же репетиции он спросил у актеров Гатри-театра (не в его характере скрывать свою неуверенность): «Про что нужно ставить «Женитьбу»? У вас есть такая проблема, что девушка не может выйти замуж?» Они засмеялись в ответ — и самому вопросу, и детской честности русского режиссера: «Нет, это не проблема, в Америке одинокая женщина впол-

не может быть холостой». Он заволновался: «Ну а что же проблема?» И стал перечислять: «Человеческое одиночество? Несбыточность счастья или неудачливость или удачливость людей?» (как в «Женитьбе», люди прожили половину жизни и неудачливы). — «О да, yes, yes, yes, это проблема!»

И он сразу понял — по их решительной безоговорочной реакции, — о чем делать спектакль, что об этом именно и надо делать спектакль.

4. ...Чехов же, по каким-то своим глубинным свойствам — вполне японский писатель, и напрасен был страх, что не понять японцам этой пьесы, по три чеховские пьесы шло в год в Японии, Чехова ставили и японцы, и английский режиссер, и одновременно с Эфросом японский режиссер в другом театре. Что-то родное находили японцы в Чехове.

«Вишневый сад». Вишня. А сакура — та же вишня. Есть ли более понятный японцу символ грубого уничтожения, чем вырубить вишневый сад?

...но есть расхожие представления о том, что японцы замкнуты и хитры. Он знал об этих представлениях, но не верил им просто потому, что привык хорошо относиться к людям, и не может замкнутый хитрый человек играть страдающую Раневскую, страдающего Гаева, страдающего Петю... и актеры оказались нежными и тонкими людьми, и в этой нежной хрупкости японских женщин, в этой тонкой тихой грусти японских мужчин было действительно что-то чеховское, мягкое, интеллигентное...

5. Актеры же были — сколок Америки, немец, кореец, еврей, француженка, и все при этом американцы, конечно. Пестрая, разномастная компания слушала его, расположившись в живописных позах кто на полу, кто на стульях, положив высоко ногу на ногу. Они были странно разные, даже и внешне, казалось, это чаплинские персонажи: один, например, был толстый, большой, рядом с ним — маленький, смешной... А на роль Степана, слуги Подколесина, был назначен итальянец, загорелый бейсболист в шортах.

шем, затихнут их проказы и возьмутся они за ум...

Репетиция начинается незаметно. Только что велись разговоры о том, что холодно, что насморк, и вот уже разговор пошел о любви, о разводе, о Феде и Лизе... и говоришь себе: «Да это уже пьеса!» Жизнь нынешняя не отделена забором от жизни в пьесе, одна втекает в другую, перерастает в нее, актеры как были людьми обычными, в джинсах, в свитерах, с часами марки «Полет», так и остаются ими, да только вместе с тем они уже и Виктор Каренин, и Лиза Про-

Степан — итальянец? Степан — заядлый бейсболист? Степан — живая реклама зубной пасты? Сомнения подобного рода были и в отношении других актеров, но почему-то именно в этом случае он волновался особенно, казалось невозможным, что этот веселый итальянец сыграет Степана, родного брата флегматиков Селифана и Петрушки... Он изложил свои сомнения итальянцу — тот смеялся в ответ от души, не ведая страха.

Страх не смочь, страх не прорваться к людям через густую путаницу чужеродных и чужеземных обстоятельств, страх оказаться, со своими художественными концепциями, несостоятельным в новых условиях — страх испарился в первые пятнадцать минут первой репетиции, прочь отлетели сомнения и волнения, стало легко, как на Малой Бронной...

...хотя на Малой Бронной вовсе не легко, хотя и там страх, нервотрепка, я видел, как Эфрос сидел в пустом кабинете в то время, когда шла премьера его «Трех сестер», и с тревожной беззащитностью вскидывался, спрашивал входящих: «Ну как там?» — «Хорошо!» — «Второй акт кончился?» — «Да». — «Хлопали?» — «Хлопали!» — успокаивали его, но он не верил, хотел идти сам посмотреть, но ему говорили: «Не надо, не надо, правда все в порядке...»

Но страха быть непонятым уже не было.

6. На следующее утро он вновь садится за стол с графином и стаканом, неизвестно зачем тут поставлены эти графин и стакан, он сидит перед ними как перед некими ритуальными предметами. Вновь разговор о том, что в комнате холодно, актриса в комбинезоне цвета хаки и серых замшевых ботиночках жалуется на давление, Калягин показывает опухший глаз. Эфрос говорит мягко утешающие слова, никого не торопит, это, как он выражается, «мужество неспешения».

В корзине, обшитой белой материей, лежит нехитрый репетиционный скарб: салатные чашки, ложечки, кисть винограда из папье-маше, фиолетово-облупленная, и столь же облупленный деревянный пистолет.

Калягин начинает укладываться на скамейку. Это обычная скамейка, какие стоят в фойе театра. Он долго укладывает свое грузное тело.

— Как мне лечь?

— Как уляжетесь.

— Я улягусь, — обещает он и ложится в позе куртизанки, принимающей богатого друга. Потом ложится нормально, то бишь устало, так, как человек, который дремал среди страданий.

Когда играет Калягин — в суженных и окруженных морщинками глазах Эфроса выражение умиления. Луч солнца из высокого окна падает на него сзади, и седые волосы серебрятся, как паутина. Калягин играет самозабвенно и раскованно, он как будто открывает в себе какой-то шлюз... Никто из актеров не свободен в игре настолько, он же чувствует игру как импровизатор-джазист, он отдается ей душой и телом. В глазах Эфроса появляется в некий момент диалога (почему именно тут? — неизвестно) тревога и предостережение: смотри не ошибись! — и, когда этот, видимо, кульминационный момент пройден, взгляд его обращается вовнутрь, в себя, он моргает часто и успокаивается, он очень похож на учителя, уверенного в правильном ответе лучшего ученика (можно и не слушать). Но потом он возвращается и вновь с умилением дедушки смотрит на играющего Калягина. Конец сцены — Калягин обнимает цыганку Машу, они застывают, прикинув друг к другу, и Эфрос оценивает эту композицию, закинув голову назад, как дальноточный, смотрящий на что-то близкое...

Калягин в игре мягок и вкрадчив, у него врожденное чувство меры, в голосе бархатная нотка, как из теста вылепленное полное лицо с усами выразительно той острой выразительностью, которая потрясает нас у кошек, например... Но чувство меры, чувство приличия, так сказать, являются неким ограничителем в игре Калягина, все, что он играет, очень хорошо и все же лишено прямой силы, грубой правды, которые пренебрегают мерой и приличиями и потрясают именно тем, что выходят за всякие рамки.

Калягин все время забывает слова, Калягин озлобленно щелкает пальцами по воздуху, кричит суфлеру: «Тая, что я говорю?» — та читает голосом и выражением учительницы начальных классов, Калягин огрызается в спешке, в пароксизме захватившей его игры: «Тихо, тихо все!»

И вот игра выносит его на самый верх, вот он в истинном страдании туда-сюда по комнате судорожно, и вот крик, которого пугаешься, потому что тут уже, кажется, не игра, пугаешься за Калягина, за его здоровье, мелькает мысль о том, что не было бы человека удара, ибо лысина Калягина, снизу обрамленная золотистыми детскими волосами, куполообразная лысина с легкой продольной вмятинкой на затылке (будто по воску провели линию палочкой) заливается вишневым цветом, не багровеет, а именно страшным вишневым цветом заливается, слышишь его душераздирающий крик (такой слышал на похоронах, в автобусе, в котором везли гроб) — делается неудобно прошлых своих мыслей о его игре, душа в смятении перед этой картиной горя, перед этим человеком, который так отдается своему искусству, что стыдно себя, как перед святым...

А кончив, он, невысокий толстенький человек, подтягивает в сотый раз постоянно съезжающие с него джинсы, достает огромный, комический носовой платок, высмаркивается и, с робким юмором глядя на Эфроса за столом с графином и стаканом, говорит: «Сидит как экзаменатор...»

7. Ему часто казалось, что он находится не в Америке или Японии, а у себя на Малой Бронной. Так же ходил по сцене пожарник, так же появлялись электрик и бутфор — он узнавал, кто из них кто, их театральная профессиональная сущность была важнее личных чужеземных особенностей. Пусть они были одеты по-другому, пусть вели себя не так, как ведут себя у нас пожарники в театре, — все это были различия на уровне быта, а сущность была одна — вот театр и люди в нем, спаянные общим делом, преданные одному искусству актеры, режиссеры, гримеры и пожарники...

А даже и легче было работать там, в том смысле, что с чужими актерами работать вообще легче, чем со своими, родными, которые тебя знают как облупленного. Ведь режиссер всегда работает в маске, он всегда немного не то, что он есть на самом деле, но свои знают, каков ты под маской, знают твои слабости и твою слабость, отличают твою позу от твоей сути. Со своими нужно держать ухо востро. А с чужими ты свободен от прошлых отношений, с чужими ты начинаешь новую жизнь...

Но в этом же была и сложность. Потому что то, что для тебя уже штамп, что ты уже использовал и затвердил, что в тебе уже окостенело, здесь ново, здесь может вызвать восхищенное удивление. Появляется соблазн решать какие-то сцены по-старому, проверенным путем, волевым усилием навязывать решение и делать вид, что знаешь, как надо, тогда как так было когда-то надо, а теперь надо по-новому. По-новому надо каждый раз, каждую сцену надо ставить заново, в соответствии с новыми людьми и условиями. Надо принуждать себя к новому (испробованное — легко), к импровизации, к творчеству — тогда как старое уже закрепилось в тебе, кажется, что иначе и нельзя... «В чужих местах легко работать ремесленно» (запись Эфроса в тетрадь психологических ошибок).

Итальянец же играл прекрасно, потому что хотел играть, потому что хотел постигнуть.

8. ...но, бывало, в Америке он ловил себя на том, что думает: «А я на Марсе». Как-то улица уходит в никуда с какими-то огнями. Черные, белые, бутылочно-зеленые башни — легкие детские постройки... Кондиционеры, компьютеры, какие-то штуки и штуковины, и вновь ощущение того, что американцы — дети, так играют они этой невероятной техникой. Вновь улица, идет навстречу что-то дикое, ужасное, в голове мутится — пожилая обрюзгшая женщина в бюстгалтере и трусиках. «Что это?» — «А что?» (говорит переводчица) — «Чистенько!» Другой набор бытовых условностей: сидят, ухватившись за подол; переводчица, устав,

садилась отдохнуть и босые ножки клала на спинку кресла, рядом с его головой... И в вечернем воздухе люди выбегают из подъездов в одних носках и прыгают в автомобили, и автомобили, распластавшись по земле, уносятся по той улице с огнями, которая в никуда.

9. На следующее утро вновь столик, стакан, графин, шепот свободных актеров за ширмой и скрип двери. «Товарищи, тише, пожалуйста!» На время все прекращается, но потом начинается опять. Вчера этого не было, но вчера не было на репетиции столько актеров. Сегодня собралось человек двенадцать. «Нет ничего более шумного, чем молчание двадцати человек» (из старинной книжки). В шуршании и шепотке идет игра, он смотрит, терпит, мрачнеет, взрывается снова: «Там, товарищи, за кулисами, полная тишина!» В крике он краснеет, всем становится неудобно минуты на три...

...решил дотерпеть до конца сцены. Лежа на стуле, подсунув руку под себя, смотрит с таким выражением, будто у него болит зуб, лицо его, по обыкновению, подвижно и переменчиво, он всегда чуть-чуть гримасничает, вот он прикусил губу, вот скосил рот, вот выпятил рот и стал похож на грустного слона... Вдруг часто заморгал, как проснулся, и вот у него вид человека, которому все все равно, который сидит на профсоюзном собрании и думает о семейных неприятностях, а за ширмой среди актеров ползет слушок: «Он сегодня злой...»

Только кончается сцена, впритык за последней репликой звучит голос Эфроса: «Так, так, хорошо, хватит, отдыхаем, кончаем...»

А после перерыва он рассаживает всех актеров перед собой, берет деревянный бутфорский пистолет и молча расхаживает.

«Он сейчас стрелять нас будет», — говорит Степанова.

«Паф! Паф! Паф!» — стреляет Эфрос в актеров, поворачивается к ширме и стреляет туда.

«Там второй состав!» — догадывается кто-то.

«Там — Малая Бронная!» — объясняет Эфрос в прекрасной своей манере сердиться смеясь.

«Я немножко поговорю». «Мозги надо прочистить себе и вам». «Иногда бывает трудное состояние». «Представьте себе, дирижер слышит музыку, партитура сложнейшая, на секунду дольше берется до — и композитор, он тут же сидит, говорит: это неправильно. Представьте, тромбон ушел в туалет, у скрипки оборвалась струна, контрабас поссорился с фаготом. А дирижер пытается... но можно сойти с ума!»

«Я человек с юмором, но иногда кровь приливает к голове, и чувствуешь, что убьешь кого-нибудь».

«Когда там очень шумно, все отвлекает, а хочется слушать, как там играет седьмая скрипка, а все вокруг настраивают инструменты».

«Я остановил репетицию, потому что не имеет смысла».

Говорит, расхаживая, обрывает фразы, мысли вслух, и при этом — тишина, они смотрят на него снизу вверх, а говорит он с досадой...

«У нас разные профессии. Все равно актер будет выходить, входить, мешать...»

«Правильно. Что-то неправильно».

«Сядьте поудобнее, поближе, ближе, ближе — пли!» И он опять стреляет в них, смеясь.

«Что ж такое? Все время об этом!» — болезненно жалуется актриса с волосами цвета старой меди, с глазами, словно углем нарисованными на бледном лице.

«Очень редко получают хорошие вещи». «Все дело в том, чтобы сосредоточиться».

«А жизнь растаскивает».

«Все время что-то улечучивается, и не поймаешь». «Если на это согласиться, то выпускается продукция, которая лежит близко к истине, но нет ничего хуже приближенности...»

«Есть такая безэффектная эффектность. Настоящая — это есть такая эффектность, однообразие картин, но внутри...» «Это все у нас есть, я все это вытаскиваю наружу, я в этом отношении человек упрямый».

«Стоп! Тихо! Вы мне мешаете! Одну секундочку! Стоп! Еще раз сначала! Когда все так, я говорю вам: вернитесь к себе!»

«Пьеса написана контурным языком. Обстоятельства выше человеческой головы, подымающаяся любовь и погибший третий человек. Это

толстовская штука. Он, с одной стороны, писатель моральный, а с другой — бросает эту мораль в политику».

И, помолчав, переходит к разбору игры актеров.

«Софья Станиславовна, не сердитесь, если я примитивные замечания делаю (говорит пожилой знаменитой актрисе), вы играете сами с собой, а должны потерять себя в этом диалоге. Работайте не на себя, а на партнеров — и тогда станете на себя...»

«А вы, Марк Исаакович (это Прудкину), вы пушинисты, легкость, какая только в вас есть...»

10. Но вскоре он уже не представлял себе, что может быть иная Раневская, кроме японки Комаки Курихары.

...звезда, японская Софи Лорен, клубы ее поклонников в Токио, Иокогаме, Фукушима, газеты ежедневно печатают расписание ее дня, что делает она после завтрака, что — после обеда, во сколько спать ложится после спектакля...

...садилась в отчаянии у стенки и твердила: «Я бездарна, я бездарна, я бездарна...» Отчаяние ее вызывало нежность к ней, так она была трогательно слаба и так огорчалась. Он же хотел, чтобы она произносила этот монолог в эмоционально-стремительном ритме, чтобы как пламя из-под земли, рванулось из Раневской раскаяние: «О, мои грехи!»

И он сам показывал, как это надо говорить, метался по сцене театра Тоэн: «О, мои грехи!», играя, он утрирует и тем делает ясной основу, в игре он шипуч, как шампанское, так изображал бы это, например, Хлестаков, доведись ему быть режиссером, — шумно, с потрясениями рук, с застыванием на месте, с чувством, которое так ясно на его лице именно потому, что взято в своей последней, почти пародийной степени.

А текст? что же текст? что ж, что она ни слова по-русски, а он ни слова по-японски? и переводчика долой, не надо переводить, нечего переводить, он только первые слова произносит, а потом,

зайдясь в игре, — уже что-то свое, не русское и не японское, а междометия какие-то, а звук, наполненный болью: «То-то-то-то-то-то, а они то-то, а я так и так и лаааала, и все!»

Так же и во МХАТе на Тверском бульваре, когда Калягин что-то спрашивает про текст, он отвечает ему: «Да черт с ним, с текстом!» — играй, играй на разрыв аорты, играй только...

...сущность свою освобождай, а текст проговаривают в радиотеатре, а ты нутром играй, всей душой играй, всем телом играй, всем естеством своим играй, это называется «психофизические действия», играй, а уже я придумаю, как высвободить заложенную в тебе страсть, каким путем вывести наружу подземное бурление и жар.

Он предложил ей, после того как она вновь села у стены и запричитала свое «Я бездарна»: «Падайте на колени, когда произносите это! С размаха, со страстью!»

И вот она падает на колени раз: «О, мои грехи!», падает другой — все не так, что-то не преодолено внутри, не освобождено, она сама понимает это, но в этой женщине — упорство последней черты, когда не о себе думаешь, а о победе любой ценой, и в третий раз упала она, телом и душой рванулась: «О, мои грехи!» — с той силой, которая дается только отчаянием неудачи — ее актерской неудачи, а это и есть то, что чувствует Раневская, ведь и ее жизнь не удалась, и это ужасно, ужасно...

11. Что же в конце? — ну, может быть, та лестница в Гатри-театре в американском Миннеаполисе, та лестница, по которой бегал Степан-итальянец и которая так и осталась для тех, тамошних людей «лестницей Степана»...

12. Наутро, когда он еще бредит у себя дома — в пустом театре, огромном и коричневом, пустом, как корабль в доке в воскресный день, старуха-уборщица в халате цвета смородинового киселя тащит из туалета графин со стаканом на столик для режиссера...

А. ПОЛИКОВСКИЙ

Весной этого года в рамках культурного обмена между СССР и Норвегией в Москве и Ленинграде состоялась выставка известного норвежского живописца Эдварда Мунка (1863—1944 гг.). Так полно с его искусством советские зрители познакомились впервые.

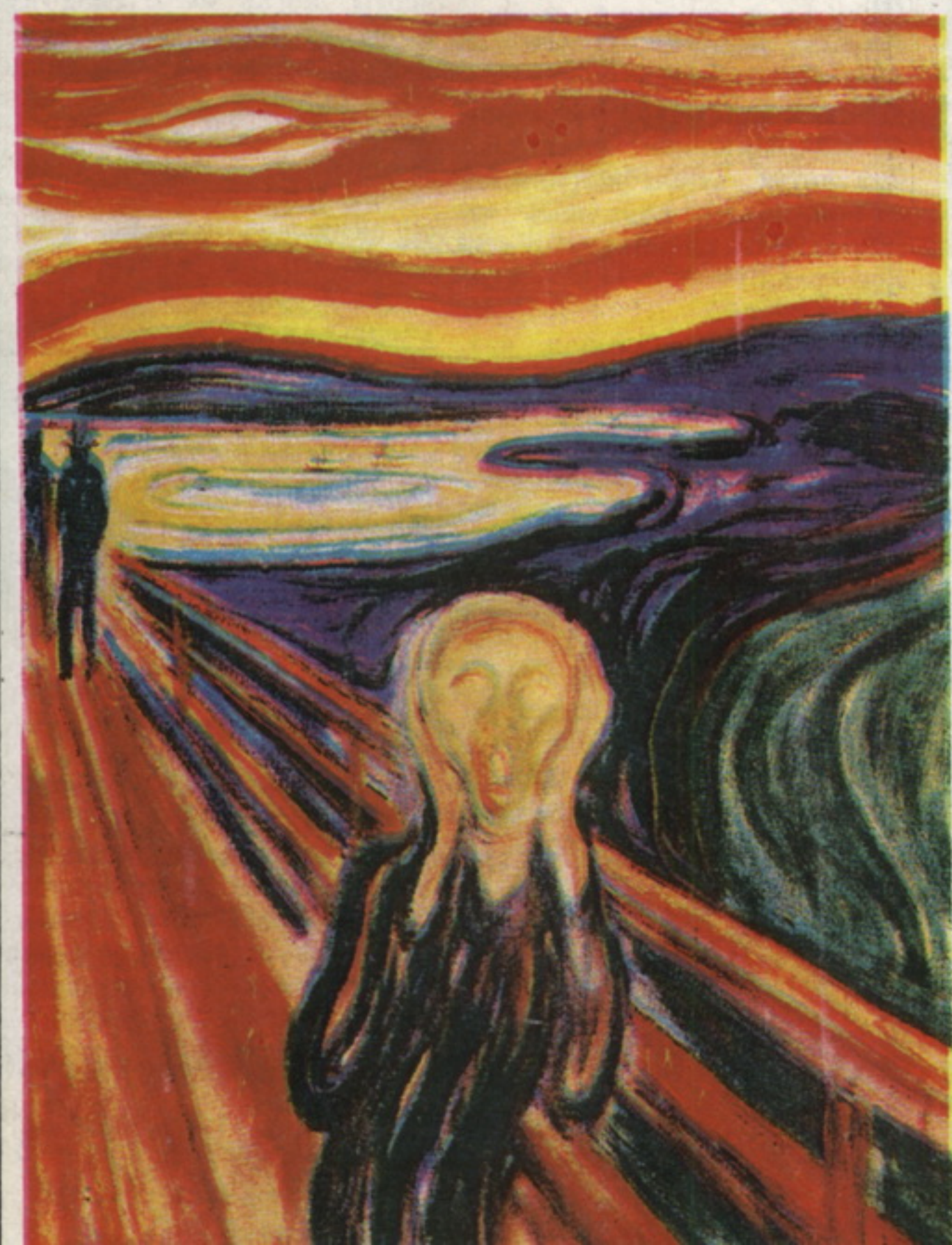
Эдвард Мунк — один из пионеров экспрессионизма. Главные характеристики этого направления — выразительность цвета и линии, предельная острота переживания. Мунк одним из первых открыл это в полотнах «Больной ребенок», «Наш следующий день» и особенно в полотне «Крик». Критики недаром назвали эту работу «криком времени».

Творческий путь художника был полон конфликтов. Так, когда в 1892 году картины Мунка были выставлены в Германии, они вызвали возмущение консервативно настроенной критики и публики, выставку закрыли через два дня.

Постепенно пришло признание. В 1903 году русский собиратель произведений искусства И. Морозов приобрел картину «Девушки на мосту» (сейчас эта работа находится в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина).

Слева вверху — «Танец жизни», внизу — «Крик». Справа вверху — «Скачущая лошадь», внизу — «Рабочие в снегу».

Индекс 70781
Цена 35 коп.